

В. Краймаръ.

3753.

Н. Бѣляшевскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

КІЕВЪ.

Типографія „Корчакъ-Новицкаго“, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1896.

Ч. Бѣляшевскій.

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Оттискъ изъ журнала „Кіевская Старина“.

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

1937413

КІЕВЪ.

Типографія Корчанъ-Новицкаго, Михайловская улица, домъ № 4-й.

1896.

Bibliotheca
universitatis
Dorpatensis

1925-1977

Дозволено цензурою Кієвъ 15 октября 1896 года.

Est-A

Tartu Riikliku Ülikooli
Raamatukogu

15484

АРХЕОЛОГИЧЕСКІЙ СЪѢЗДЪ ВЪ РИГѢ.

Три года тому назадъ археологическій съѣздъ и связанная съ нимъ археологическія изслѣдованія обхватили территорію Литвы. Настоящій съѣздъ подвинулся на сѣверъ, въ сосѣднюю область балтійскаго поморья, и, такимъ образомъ, въ своемъ движеніи является вполне послѣдовательнымъ. Замѣтимъ, что въ данномъ случаѣ, кажется, впервые осуществился этотъ принципъ послѣдовательности, такъ какъ прежніе съѣзды обыкновенно дѣлали большіе скачки, перенося свою дѣятельность изъ одного угла нашего обширнаго отечества зачастую въ совершенно противоположный. Система эта имѣетъ много и за, и противъ. Именно благодаря обширности Россіи, съѣзды, перескакивая съ одного мѣста на другое, возбуждали энергію мѣстныхъ обществъ и дѣятелей, вносили жизненный элементъ, не будь скачковъ—многія окраины такъ бы и не получили всего этого, имъ долго пришлось бы ждать своей очереди, и это было бы тѣмъ болѣе печально, что археологическіе съѣзды, какъ прежде, такъ особенно въ послѣднее время, никогда не были чисто археологическими: подъ знаменемъ археологіи собирались представители различныхъ научныхъ дисциплинъ, занимающихся изслѣдованіемъ различныхъ сторонъ какъ прошлой, такъ отчасти и современной жизни; археологическіе съѣзды послѣдняго времени можно поэтому съ полной справедливостью назвать историческими съѣздами въ томъ обширномъ значеніи, какое придается теперь исторической наукѣ. Необходимость объединенія, живого обмѣна всегда чувствовалась и чувствуется; нужно было только явиться объединяющему началу, и работающія въ одинаковыхъ или близко соприкасающихся

областяхъ силы неминуемо должны были потянуться къ нему. Такъ и случилось; объединяющимъ началомъ сдѣлались археологическіе съѣзды. Но эти скачки, съ другой стороны, вредили систематичности, такъ необходимой во всякаго рода научной работѣ, не давали возможности выработать извѣстный общій планъ дѣйствій, результатомъ котораго могла быть цѣльность работы. Все это такъ, но въ данномъ случаѣ мы можемъ представить и серьезныя причины, оправдывающія такой образъ дѣйствій, прибавимъ—образъ дѣйствій, вытекающій вполне естественно изъ общаго хода нашей жизни; причины эти общеизвѣстны: наука наша еще очень молода, у насъ мало научнаго багажа, сравнительно съ пространствомъ, мало работниковъ, громадныя области отстаются еще почти незатронутыми научными изслѣдованіями, поэтому, еслибы съѣзды и не выходили изъ роли инициатора, только пока еще лишь возбуждающаго къ научной работѣ, вызывающаго къ жизни новыя силы, собирающаго научный матеріалъ, то этого было бы вполне достаточно, и за съѣздами навсегда бы осталась громадная заслуга, оказанная ими наукѣ. Но обыкновенно наряду съ собираніемъ идетъ и обобщеніе, поднимаются общіе вопросы, а тамъ, гдѣ почва подготовлена, подводятся и итоги.

Характеристикой недавно закончившагося X-го археологическаго съѣзда является именно послѣднее обстоятельство. Не даромъ какъ въ рефератахъ, такъ и въ различныхъ рѣчахъ, произносившихся въ теченіе съѣзда, часто упоминалось слово „культура“, и дѣйствительно, благодаря этой „культурной насыщенности“, роль съѣзда выразилась, главнымъ образомъ, въ подведеніи итоговъ тому, что сдѣлано было многими годами даже десятилѣтіями сознательной умственной работы на полѣ познанія прошлаго мѣстнаго края. Благодаря этому обстоятельству, была достигнута и другая цѣль, преслѣдуемая съѣздами,—научный обмѣнъ: многочисленныя члены съѣзда, пріѣхавшіе съ разныхъ сторонъ, многіе изъ захолустныхъ угловъ, могли воочию убѣдиться, къ какимъ результатамъ приводитъ энергичный, упорный трудъ, могли видѣть, какъ слѣдуетъ работать, какъ слѣдуетъ относиться къ прошлому своей страны, къ тѣмъ памятникамъ, которые остались намъ отъ этого прошлаго. Резуль-

таты того впечатлѣнія, которое производило все видѣнное, отчасти уже отразились и на самой работѣ съѣзда: если не ошибаемся, еще ни на одномъ изъ нихъ не поднималось столько вопросовъ, не высказывалось столько пожеланій, касавшихся различныхъ сторонъ исторической науки, какъ именно здѣсь, на рижскомъ съѣздѣ; правда, въ данномъ случаѣ нужно считаться съ общимъ ходомъ научнаго движенія, но, съ другой стороны, можно думать, что однимъ изъ импульсовъ были представленныя съѣзду результаты работъ мѣстныхъ ученыхъ. Чтобы дать понятіе объ этой работѣ, коснемся вкратцѣ того, что сдѣлано было *предварительными комитетами* по устройству съѣзда.

Кромѣ предварительнаго комитета въ Москвѣ, при Московскомъ Археологическомъ Обществѣ, имѣвшаго объединяющее значеніе, были образованы также два комитета на мѣстѣ, въ Прибалтійскомъ краѣ: одинъ въ Ригѣ, другой въ Ревелѣ, причѣмъ въ составъ рижскаго комитета вошли и представители недалеко лежащей Митавы. Разумѣется, на рижскій комитетъ легла главная масса работы; центромъ здѣсь было Общество Исторіи и Древностей Прибалтійскихъ губерній съ предсѣдателемъ барономъ Бруйнингомъ во главѣ; вокругъ этого общества группировались и раздѣляли съ нимъ общіе труды какъ отдѣльныя лица, такъ и другія общества, и таковыхъ въ Прибалтійскомъ краѣ не мало; именно принимали непосредственное участіе: Общество Литературы и Исторіи въ Митавѣ, Ученое Эстляндское Литературное Общество въ Ревелѣ, Эстонское Ученое Общ. въ Юрьевѣ, Общество для изученія острова Эзеля, Литературное Общ. въ Феллинѣ, Ученое Латышское Общество въ Ригѣ. Уже этотъ одинъ перечень показываетъ, что недостатка въ мѣстныхъ рабочихъ силахъ не было; если мы еще замѣтимъ, что нѣкоторыя изъ этихъ обществъ насчитываютъ не одинъ десятокъ лѣтъ существованія и дѣятельности, то станетъ яснымъ, почему почва оказалась такъ хорошо подготовленной. Предварительнымъ комитетомъ были произведены въ разныхъ мѣстахъ раскопки, разрабатывались различные вопросы, касающіеся мѣстныхъ древностей. Главнымъ результатомъ дѣятельности рижскаго предвар. комитета явилась превосходно составленная Археологическая

выставка; въ нее вошли предметы изъ музеевъ Риги, Митавы, Ревеля, Юрьева, Феллина, Аренсбурга, Вильны и нѣкоторые частныя экспонаты; выставка состояла изъ пяти главныхъ отдѣловъ: 1) наиболѣе обширный—предметы собственно археологическіе, эпохъ первобытной и до-исторической, 2) матеріалы археографическіе, 3) печати, 4) монеты и медали, 5) золотыя и серебряныя издѣлія болѣе поздняго времени изъ различныхъ церквей, обществъ (напр. Черноголовыхъ Гильдій и др.). Всѣхъ предметовъ на выставкѣ около полторы тысячи; но что особенно цѣнно въ данномъ случаѣ—это научно составленный *каталогъ* выставки, составляющій томъ въ 255 страницъ, со вступительной статьей (въ 85 стр.) проф. Гаусмана, дающей прекрасный очеркъ прибалтійскихъ древностей, и съ 34 таблицами фототипій, изображающихъ наиболѣе типичныя предметы; выставка дѣло переходящее, каталогъ-же навсегда закрѣпилъ ее.

Археологическая выставка дала понятіе о внѣшней сторонѣ прошлой жизни; устроенная же по случаю съѣзда *Латышская этнографическая выставка* представила яркую, наглядную картину быта современнаго населенія Прибалтійскаго края—Латышей и Эстонцевъ. Въ виду того, что выставка эта является *первой* областной этнографической выставкой въ Россіи, въ виду того, что задача эта, не смотря на новизну дѣла, выполнена блестяще, мы считаемъ не лишнимъ вкратцѣ передать исторію возникновенія выставки и указать на тѣ матеріалы, которые она заключаетъ. Дѣло это возникло по инициативѣ и трудами Ученаго Латышскаго Общества въ Ригѣ. Еще раньше общество это задалось цѣлью устроить Латышскій этнографическій музей и уже начало собирать матеріалъ для него; снаряжены были даже съ этой цѣлью на частныя средства экспедиціи; но всего этого было недостаточно. Когда образовался предварительный комитетъ, и Общество приглашено къ участию въ немъ, дѣло было поставлено въ новыя условія и пошло успѣшно: въ теченіе 1894—5 г.г. мѣстности, населенныя Латышами и пограничныя, посѣтило 10 *экспедицій*, членами ихъ были собраны богатыя коллекціи старинныхъ костюмовъ и другихъ этнографическихъ предметовъ, былъ возбужденъ интересъ среди деревенскаго населенія къ вы-

ставкѣ, такъ что и по возвращеніи экспедицій поступленія продолжались. Въ виду изобилія матеріала, рѣшено было устроить выставку на особой площади и размѣстить въ нарочно съ этой цѣлью построенныхъ зданіяхъ. Для устройства выставки былъ образованъ особый комитетъ съ Ф. П. Гросвальдомъ во главѣ; комитетъ этотъ отправилъ специалистовъ въ столицы и въ Прагу для ознакомленія съ существующимъ этнографическимъ матеріаломъ и технической стороной дѣла, имъ-же были разсланы циркуляры священникамъ, волостнымъ старшинамъ, народнымъ учителямъ и другимъ лицамъ по всей Курляндіи и Лифляндіи съ указаніемъ, какимъ путемъ любители этнографіи могутъ содѣйствовать комитету выставки. На этотъ призывъ отозвалось 60 лицъ, взявшихся собирать матеріалы; нѣкоторые лица взяли самостоятельно устроить цѣлыя отдѣлы на выставкѣ; благодаря отзывчивости общества, была улажена и матеріальная сторона дѣла, и этнографическая выставка, стоившая 20,000 рублей, была готова ко дню открытія съѣзда. Выставка расположена на красивой площади, среди разбитаго парка, тянущагося по берегу городского канала; большинство предметовъ распределено въ главномъ зданіи, часть въ крытыхъ навѣсахъ, часть-же въ особыхъ зданіяхъ, представляющихъ изъ себя въ то-же время и экспонаты; ихъ нѣсколько: курляндская старинная изба, старинная лифляндская изба, жилой домъ новѣйшаго времени, баня. Выставка устроена по широкому плану, обнимаетъ всѣ стороны жизни латышскаго народа, какъ матеріальная, такъ и духовная; состоитъ она изъ 18-ти отдѣловъ, которые распределяются слѣдующимъ образомъ: 1) территорія, 2) исторія и право, 3) антропология и статистика, 4) языкъ, 5) народная словесность, 6) литература, 7) школа, 8) общества (отдѣлъ характерный для Прибалтійскаго края: общества преслѣдуемыхъ различныя цѣли, въ Лифляндіи—372, въ Курляндіи—201; цифры говорятъ сами за себя), 9) музыка и пѣніе, 10) живопись, 11) театр, 12) одежда, 13) строенія, 14) кустарная промышленность, 15) пчеловодство, 16) сельское хозяйство, 17) рыболовство, 18) мореходство. Выставка имѣетъ каталогъ (на русскомъ и латышскомъ языкахъ), въ которомъ, кромѣ объясненія предметовъ, каждому

изъ отдѣловъ предпосланы небольшіе очерки, гдѣ помѣщены также и указанія на литературу по каждому вопросу. Нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ къ мысли соединить съ археологическимъ съѣздомъ этнографическую выставку; наше настоящее такъ тѣсно связано съ прошлымъ, что такія выставки являются необходимымъ дополненіемъ, не говоря уже о томъ самостоятельномъ интересѣ, какой онѣ представляютъ въ различныхъ отношеніяхъ научно-общественнаго характера. Примѣръ такого сравнительно небольшого народа, какъ народъ латышскій, наглядно показалъ, что можно сдѣлать, если отнестись сознательно къ дѣлу, если внести въ него ту любовь, безъ которой все будетъ носить мертвый отпечатокъ. Кромѣ этихъ двухъ выставокъ, во время съѣзда была открыта еще третья, — *Цеховая*, гдѣ были выставлены предметы, принадлежащіе мѣстнымъ цехамъ, пользующимся въ Ригѣ большимъ значеніемъ и имѣющимъ особую организацію.

Укажемъ въ заключеніе на тѣ работы, которыя были исполнены къ съѣзду отдѣльными лицами: А. Бухгольцъ составилъ библиографическій указатель сочиненій по археологическимъ Прибалтійскаго края, И. Зизка (I. Sitzka) — археологическія карты того же края, Леви съ-офъ-Менаръ вмѣстѣ съ маститымъ ученымъ настоятелемъ Биленштейномъ — карту лифляндскихъ городищъ, тотъ же Леви съ-офъ-Менаръ — карту Лифляндіи времени Ливонскаго ордена.

Перейдемъ къ самому съѣзду. Нѣсколько словъ о внѣшней сторонѣ его. Благодаря энергіи и предупредительности *Распорядительнаго комитета съѣзда*, она была обставлена какъ нельзя лучше: купеческими обществами (т. н. большая и малая гильдіи) съѣзду были предоставлены двѣ роскошныя залы — одна для археологической выставки, другая для засѣданій съѣзда, депутатамъ отведены помѣщенія, организованы обѣды и т. д. Кромѣ того, городомъ, дворянствомъ и мѣстнымъ губернаторомъ были устроены приемы членовъ съѣзда, отличавшіеся радушіемъ и гостепримствомъ.

Рижскій съѣздъ былъ однимъ изъ наиболѣе многолюдныхъ и оживленныхъ; всѣхъ записавшихся членовъ было 627, изъ

нихъ 185 прѣхало изъ внутреннихъ губерній, было также довольно много и заграничныхъ ученыхъ, главнымъ образомъ германскихъ—въ ихъ числѣ и Рудольфъ Вирховъ.

Засѣданія съѣзда, по принятому обыкновенію, раздѣлились на секціи по характеру трактуемыхъ предметовъ, причемъ однако была образована особая секція „Древностей Прибалтійскихъ“, куда вошли рефераты разнороднаго характера (всѣ на нѣмецкомъ языкѣ). Всѣхъ засѣданій состоялось 33, на нихъ было доложено 98 рефератовъ; въ свободное время члены съѣзда осматривали Ригу и ея достопримѣчательности, кромѣ того, были совершены и загородныя поѣздки—въ Митаву ¹⁾ и въ Трейденъ, лежащій въ чудномъ уголкѣ, т. н. Ливонской Швейцаріи; здѣсь были произведены раскопки кургановъ, наглядно познакомившія членовъ съѣзда какъ съ погребальными типами, такъ и съ характеромъ находимыхъ въ могильникахъ предметовъ; болѣе отдаленныя поѣздки были предприняты нѣсколькими членами съѣзда, уже послѣ его закрытія,—въ Кенигсберегъ, а также въ Маріенбургъ и Данцигъ, гдѣ были осмотрѣны мѣстные музеи.

Цѣль нашей замѣтки—передать вкратцѣ содержаніе рефератовъ, имѣющихъ непосредственное отношеніе къ Южной Россіи, поэтому на остальныхъ мы останавливаться не будемъ, упомянемъ лишь о тѣхъ, которые представляютъ болѣе или менѣе общій интересъ. Но, прежде, чѣмъ перейти къ этому, и чтобы покончить съ прибалтійской стариной, приведемъ названія нѣкоторыхъ рефератовъ изъ этой группы; сдѣлаемъ это съ цѣлью указать тѣ темы, которыя были взяты для рефератовъ. Вотъ эти рефераты: проф. Гаусманъ—*Обзоръ развитія археологическихъ изслѣдованій въ Прибалтійскомъ краѣ за послѣд-*

¹⁾ Въ Митавскомъ музеѣ хранится, между прочимъ, надгробная плита, украшенная гербомъ и арматурой, съ нѣмецкой надписью (въ стихахъ) приблизительно слѣдующаго содержанія: „Когда Янъ Казиміръ, Полякъ, былъ избранъ королемъ и когда татары и козаки поднялись противъ него, я, Германъ Майцель, былъ военнымъ сотоварищемъ, я былъ молодъ, трудолюбивъ, самоотверженъ, работалъ на пользу отечества, внушая страхъ рабочимъ, во многихъ смѣлыхъ битвахъ побѣждалъ врага, и моею наградою было то, что я былъ убитъ, моя слава въ томъ, о король, что я умеръ на твоей службѣ; род. 1626, умеръ 1651.“

нія 50 лѣтъ"; баронъ Бруйнингъ— „Обзоръ возникновенія, развитія и дѣятельности историческихъ обществъ въ Прибалтійскомъ краѣ"; проф. Гаусманъ— „О разныхъ типахъ ливонскихъ могиликовъ"; К. Вай— „О курляндскихъ могиликахъ"; пасторъ Биленштейнъ— „О древне-латышскихъ городищахъ"; проф. Р. Вирховъ— „О древнѣйшихъ жителяхъ сѣверной Европы и особенно Ливоніи"; пасторъ Гуртъ— о собранной имъ коллекціи эстонскихъ народныхъ преданій (собраніе состоитъ изъ 136-ти томовъ, сюда вошло: около 40500 древнихъ народныхъ преданій, около 8500 сказокъ, около 45000 пословицъ, около 37000 народныхъ загадокъ, около 52000 записей народныхъ суевѣрій и т. п.). А. Бертинъ— „Собіраніе и изученіе латышскихъ народныхъ пѣсенъ"; И. Крюгеръ— „О вліяніи русскихъ на общественный бытъ латышей по даннымъ языка". Къ этому перечню нужно прибавить еще одинъ рефератъ на русскомъ языкѣ такого же обобщающаго характера— А. А. Спицына— „Общій обзоръ доисторическихъ древностей Прибалтійскихъ губерній".

Рефератовъ, посвященныхъ Южной Россіи, было въ общемъ немного; но и они въ достаточной мѣрѣ показываютъ, что изслѣдованіе древностей юга идетъ непрерывно, что интересъ къ нимъ не прекращается и что, съ другой стороны, почва юга не перестаетъ быть неизсякаемымъ источникомъ находокъ разнаго рода предметовъ, такъ что недостатокъ чувствуется лишь въ рабочихъ силахъ.

Остановимся прежде всего на двухъ рефератахъ проф. В. Б. Антоновича. Первый изъ нихъ озаглавленъ— „Памятники каменнаго вѣка, найденные въ Кіевѣ въ теченіе трехъ послѣднихъ лѣтъ". Матеріаломъ для этого сообщенія послужили находки и изслѣдованія, сосредоточенныя въ нѣсколькихъ усадьбахъ, лежащихъ на гористой сторонѣ Кирилловской улицы. Въ 1893 году, при срѣзываніи подножія горы, были обнаружены кости мамонта. На эту находку обратилъ вниманіе мѣстный любитель и собиратель древностей г. Хвойка, который сообщилъ о ней референту, и послѣдній обслѣдовалъ ее съ археологической стороны, проф. же Армашевскій— съ геологической.

Кромѣ костей мамонта, которыя принадлежали нѣсколькимъ особямъ, было найдено 15 бивней, тутъ-же найдены и кремневья отбивныя орудія, такъ что въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ т. п. стоянкой палеолитическаго періода каменнаго вѣка, т. е. съ самой древнѣйшей эпохой человѣчества, какую мы знаемъ. Въ Россіи подобнаго рода находокъ было сдѣлано уже нѣсколько (7), но особенность кievской стоянки состоитъ въ томъ, что кости и орудія найдены на значительной глубинѣ отъ поверхности, и не въ слоѣ лёсса, какъ всѣ другія находки, а на границѣ съ пластами третичной эпохи, который составляла синяя глина, такъ что стоянку эту нужно признать древнѣйшей изъ доселѣ обнаруженныхъ въ Россіи.

Въ этомъ же самомъ мѣстѣ, но только въ верхнемъ слоѣ холма оказались слѣды другого поселенія, относящагося уже къ болѣе позднему періоду каменнаго вѣка—неолитическому. Стоянка расположена на большомъ пространствѣ; разнаго рода остатки встрѣчались въ культурномъ слоѣ, толщиной $\frac{1}{2}$ —2 арш.; найдены здѣсь очаги съ углемъ и золой, рядомъ съ ними встрѣчались пищевые остатки—раковины двухъ видовъ, орудія изъ кремня и кости, черепки отъ сосудовъ; присутствія металла не обнаружено.

Преобладающими орудіями являются изготовленныя изъ роговъ или костей животныхъ, начиная отъ лося, кончая козулей; это разнаго рода острія, наконечники стрѣлъ и копій, топоры; нѣкоторыя изъ орудій орнаментированы. Гораздо меньше кремневыхъ орудій—полированные топоры, ножи, скребки и т. п. Большое разнообразіе представляютъ предметы гончарства; здѣсь встрѣтилось даже нѣчто въ родѣ гончарныхъ печей; однѣ изъ нихъ имѣютъ видъ нишей, другія—цилиндрическихъ углубленій, стѣнки и своды ихъ обмазаны толстымъ слоемъ глины, которая укрѣплялась расщепленными кольями; ниши наполнены сосудами, иногда въ нѣсколько рядовъ, въ одномъ случаѣ встрѣтилась печь съ уцѣлѣвшими сосудами. Гончарство не отличается совершенствомъ: сосуды приготовлены безъ помощи гончарнаго круга, глина не чистая, иногда съ примѣсью кусочковъ раковинъ. Что касается формы сосудовъ, то можно отмѣтить 3—4

вида: довольно большіе широкогорлыя горшки, нѣчто въ родѣ кувшиновъ съ узкими горлышками, небольшія мисочки, чарки; орнаментъ очень разнообразенъ, состоитъ изъ разныхъ наеоловъ, нарѣзовъ, оттисковъ и т. п. На этомъ же мѣстѣ открыты и 3 погребенія; въ двухъ случаяхъ скелеты лежали въ согнутомъ положеніи, въ третьемъ—въ полусидячемъ; при одномъ изъ скелетовъ найденъ топоръ изъ рога, круглый камень - отбойникъ, служившій для приготовленія кремневыхъ орудій, глиняная пряслица и черепки отъ сосуда,—всѣ эти предметы совершенно аналогичны другимъ предметамъ, найденнымъ на стоянкѣ. Мѣстность, гдѣ находится стоянка, лежитъ рядомъ съ оврагомъ, въ которомъ гораздо раньше были обнаружены пещеры, относящіяся къ той же эпохѣ, и по этому поводу референтъ высказалъ предположеніе, что пещеры могли служить для первобытныхъ жителей этой мѣстности зимними помѣщеніями, стоянки же—лѣтними. Раскопки, продолжавшіяся здѣсь 2 года, заинтересовали и другихъ мѣстныхъ жителей, и въ одной изъ сосѣднихъ усадебъ—художника Святославскаго—открыта такая же стоянка, отличающаяся, однако, отъ предыдущей нѣкоторыми особенностями. Среди пищевыхъ остатковъ здѣсь преобладали кости рыбъ, раковинъ найдено меньше, меньше было и костяныхъ и роговыхъ издѣлій, кремневыхъ же—больше; среди глиняныхъ предметовъ встрѣтился новый для давней мѣстности видъ—черепки, покрытые орнаментомъ путемъ раскраски; б. м. въ данномъ случаѣ мы имѣемъ дѣло съ вліяніемъ иноземной культуры; дѣйствительно, есть мѣстность, гдѣ такіе раскрашенные сосуды встрѣчаются очень часто,—это Поднѣстровье; среди глиняныхъ издѣлій обращаютъ на себя вниманіе антропоморфическія—грубыя изображенія людей—мужчинъ и женщинъ; на этой же стоянкѣ встрѣчались еще какіе-то загадочные камни, состоящіе изъ костей мелкихъ животныхъ, рыбъ и остатковъ органическихъ веществъ; не есть ли это консервы, аналогію которымъ можно найти въ пищевыхъ остаткахъ свайныхъ построекъ? Что запасы существовали и на этой стоянкѣ, на это указываетъ одинъ изъ найденныхъ сосудовъ—онъ былъ наполненъ раковинами, еще не

раскрытыми и, слѣдовательно, приготовленными лишь къ употребленію.

Третья группа памятниковъ, открытыхъ все въ той-же мѣстности, относится уже къ гораздо болѣе позднему времени. У подошвы горы, составляющей одну сторону Кирилловской улицы, на пространствѣ полуверсты, обнаружено старо-славянское языческое кладбище; скелеты лежатъ головами къ востоку, при нихъ находятся желѣзныя вещи и украшенія; послѣднія не богаты—кольца и серьги изъ низкопробнаго серебра, бусы; всего здѣсь найдено 80 гробницъ. Одна изъ могилъ представляетъ нѣкоторыя особенности, выдѣляющія ее изъ остальныхъ: скелетъ лежалъ головой на сѣверо-востокъ, у головы находился отдѣланный клыкъ кабана, возлѣ рукъ какое-то костяное орудіе, сколоченное желѣзными гвоздями, тутъ-же найдены кремни и раковины; б. м. это могила переходнаго періода—отъ каменнаго къ желѣзному. Въ заключеніе референтъ остановился еще на одной могилѣ той-же мѣстности, могилѣ, еще болѣе близкой къ намъ по времени, чѣмъ вышеописанное старо-славянское кладбище; здѣсь найдены бусы изъ сердолика, 2 серебряныя серьги, серебряныя же большія бусы и на шеѣ—арабская монета.

По поводу первой части реферата, гдѣ описаны находки палеолитической стоянки, В. Д. Соколовъ высказалъ предположеніе, что большую глубину залеганія костей и орудій можно объяснить оползнемъ горы, и, если это такъ, то и глубокая древность этой стоянки подлежитъ сомнѣнію. На это проф. Антоновичъ отвѣтилъ, что сомнѣнія, конечно, возможны, но въ данномъ случаѣ онъ высказываетъ лишь мнѣнія геологовъ—проф. Армашевскаго и проф. Феофилактова, производившихъ геологическое изслѣдованіе мѣста находки. Въ дополненіе къ этому А. М. Покровскій замѣтилъ, что неправильности въ залеганіи пластовъ нѣтъ, нѣтъ также и оползней, и что поэтому пластъ, въ которомъ обнаружены находки, дѣйствительно нужно признать переходнымъ между третичнымъ и слѣдующимъ за нимъ болѣе новымъ.

Упомянемъ за одно о новѣйшей находкѣ остатковъ мамонта вмѣстѣ съ ^{искусными} кресляными орудіями. Обнаружена она возлѣ го-

рода Томска на берегу рѣки Томи. Ее обследовалъ проф. Н. О. Кащенко и результаты изложилъ въ рефератѣ: „*Къ вопросу объ одновременномъ существованіи человека и мамонта*“. Особенность этой находки заключается въ томъ, что здѣсь кости скелета принадлежали одному мамонту; скелетъ почти полный, не хватаетъ только нѣсколькихъ незначительныхъ костей.

Другой рефератъ проф. Антоновича носитъ иной характеръ; онъ тѣсно примыкаетъ къ другимъ работамъ того же автора, въ которыхъ дѣлается систематическое распредѣленіе памятниковъ старины юга Россіи на типы; онъ озаглавленъ: „*Попытки группировки городищъ по ихъ контурамъ въ бассейнѣ Днѣпра*“. Сравнительно съ другими видами древностей городища до сихъ поръ пользовались небольшимъ вниманіемъ археологовъ; между тѣмъ городища представляютъ особенный интересъ.

Указавъ на то, что нужно разумѣть подъ словомъ городище—оставленное укрѣпленное мѣсто поселенія,—референтъ перешелъ къ вопросу о распредѣленіи городищъ по типамъ. Сортировка городищъ по предметамъ, найденнымъ случайно или добытымъ путемъ раскопокъ, не даетъ желаемыхъ результатовъ, такъ какъ находки на городищахъ обыкновенно очень рѣдки (бываютъ, конечно, и исключенія), а раскопки сопряжены съ разнаго рода неудобствами: городища зачастую занимаютъ большую площадь, и нѣтъ возможности опредѣлить, гдѣ собственно нужно производить раскопки, раскапывать же всю площадь нѣтъ смысла, какъ въ виду большихъ матеріальныхъ затратъ, такъ и въ виду указанной выше рѣдкости находимыхъ предметовъ. Референтъ предлагаетъ свой методъ, состоящій въ наблюденіи подъ контурами, въ сличеніи содержимаго городищъ, если таковое имѣется, съ содержаніемъ расположенныхъ по близости кургановъ и, наконецъ,—въ сопоставленіи съ лѣтописями и извѣстіями. При помощи этого метода городища бассейна средняго теченія Днѣпра распредѣляются слѣдующимъ образомъ:

Древнѣйшимъ типомъ можно считать *городища-майданы*; майданы, по народной терминологіи—раскопанныя могилы, представляютъ до сихъ поръ научную загадку; ихъ существуетъ нѣсколько видовъ (3), обычную существенную часть ихъ состав-

ляетъ кольцеобразное возвышеніе съ выходомъ съ одной стороны; это центральное возвышеніе снабжено бываетъ побочными, т. н. крыльями, которыя располагаются иногда въ нѣсколько рядовъ; различныя предположенія о назначеніи и времени этихъ городищъ-майдановъ не были основаны на чемъ-ниб. положительномъ, такъ какъ и раскопки майдановъ не давали почти никакихъ результатовъ; вопросъ этотъ остается открытымъ. Только пока въ одномъ случаѣ можно сказать кое-что, болѣе или менѣе опредѣленное о майданахъ: въ бассейнѣ южнаго Буга, возлѣ Кальныка, на длинномъ узкомъ мысѣ, отрѣзанномъ рвомъ и валомъ, стоятъ два громадныхъ городища-майдана и возлѣ нихъ т. н. скифскіе курганы,—эти послѣдніе даютъ указаніе и на время возникновенія майдановъ; но это только единичный случай.

Слѣдующій типъ—*циркулярныя городища*; по формѣ они представляютъ кругъ или овалъ, образованный невысокимъ валомъ—въ 2—2½ арш. высоты, иногда и рвомъ; площадь ихъ въ разрѣзѣ даетъ обыкновенно выпуклую по срединѣ линію. Что касается времени ихъ, то въ данномъ случаѣ можно пользоваться двумя указаніями: прежде всего, въ лѣтописи нѣтъ никакихъ указаній на мѣстности, гдѣ расположены городища; затѣмъ, городища эти непосредственно находятся въ связи съ древне-славянскими курганами; на основаніи всего этого ихъ можно считать первоначальными славянскими городищами.

Еще ближе къ намъ по времени *городища княжескія*; въ эту группу включены городища только до половины XIII вѣка. Расположены они на возвышенности, обыкновенно надъ рѣкой; мѣсто выбиралось такъ, чтобы возвышенность была соединена съ материкомъ возможно узкимъ перешейкомъ, который перекапывался рвомъ и укрѣплялся валомъ. Контуры городищъ имѣютъ неправильную форму: валомъ, идущимъ по внѣшнему краю, старались охватить всю поверхность городища; послѣдняя бываетъ выпуклой и вогнутой; не довольствуясь однимъ валомъ, ихъ насыпали параллельно нѣсколько, и городище является окруженнымъ рядомъ концентрическихъ валовъ, и это служитъ однимъ изъ отличительныхъ признаковъ этого рода городищъ; такихъ, расположенныхъ концентрически, валовъ бываетъ нѣ-

сколько—2, 3, 5, и на городищѣ Вышгорода—даже 8; валы въ общемъ довольно высоки. Названіе *княжескихъ* придано имъ на томъ основаніи, что по справкамъ съ лѣтописью, на всѣхъ этихъ мѣстахъ въ великокняжескую эпоху существовали города. Для примѣра можно указать на территорію Черныхъ Клобуковъ; въ лѣтописи мы находимъ упоминаніе о семи городахъ, принадлежащихъ Берендичамъ, два изъ нихъ названы—это Раставецъ и Неятынъ. Семь древнихъ городищъ и обнаружены на р. Раставицѣ; изъ нихъ городище у м. Бѣлиловки было древнимъ Раставцемъ, такъ какъ въ одномъ документѣ XVII в. м. Бѣлиловка названа Раставцемъ, городъ же Неятынъ—городище у с. Ягнятина; 5 другихъ городищъ находятся у Ружина (древн. Щербовъ), Буки (Бакожинъ), Коропчіева, Таборова и Шендеравки; время всѣхъ этихъ городищъ—XII вѣкъ. Но, конечно, не всѣ мѣстоположенія древнихъ лѣтописныхъ городовъ установлены точно, напр.—г. Юрьевъ, жители котораго въ виду набѣговъ Половцевъ были переселены Святополкомъ въ г. Святополчъ (теперешнее село Витахово); онъ находился на среднемъ теченіи Роси, и можно высказать догадку, что въ настоящее время это городище не далеко отъ м. Бѣлой Церкви; на немъ, между прочимъ, въ 1877 году была найдена позолоченная паннагія съ надписью Георгій. Другимъ такимъ же неопредѣленнымъ по мѣстоположенію лѣтописнымъ городомъ является Пересѣченъ, лежащій недалеко отъ Кіева, по направленію къ Переславу; по мнѣнію Максимовича, Пересѣченъ могъ находиться въ мѣстности, носящей теперь названіе Китаевской Пустыни или Китаева; здѣсь, дѣйствительно, расположено городище этого типа. Всѣ такія городища относятся къ концу XI, XII и къ половинѣ XIII ст.

Городища литовскаго времени составляютъ слѣдующій типъ: по времени они относятся къ XV—XVI в.в.; вслѣдствіе того, что въ эту эпоху вводится въ употребленіе огнестрѣльное оружіе, городища измѣняютъ свою форму: стороны ихъ выравниваются, по угламъ дѣлаются круглые выступы—„рондели“.

Какъ на образецъ городищъ этого типа, референтъ указалъ на городъ Карауль, основанный Витовтомъ, построившимъ

много укрѣпленій по нижнему Днѣстру, Поморью и Днѣпру; до послѣдняго времени мѣсто этого города не было точно опредѣлено; въ настоящее время это можно сдѣлать: въ одномъ изъ документовъ XV в. упоминается г. Карауль съ приселкомъ Рашковымъ; Рашковъ существуетъ въ настоящее время; по справкѣ на мѣстѣ возлѣ Рашкова оказалось городище и лѣсокъ, носящій названіе Караула; въ документахъ находятся также извѣстія, что городище это было заброшено и, слѣдовательно, сохранилось оно до настоящаго времени въ своемъ первоначальномъ видѣ.

Съ конца XVI, въ XVII и XVIII в.в. укрѣпленія получаютъ новыя характерныя особенности—они прямолинейны, снабжены бастионами. Такихъ, оставленныхъ уже, крѣпостей, много; для примѣра можно указать на м. Бѣлую Церковь или на Кодакъ; въ послѣднемъ укрѣпленія были построены Бопланомъ въ 1635 г.

Отмѣтимъ замѣчаніе В. Д. Сизова, высказанное по поводу реферата. В. Д. Сизовъ выступилъ въ защиту раскопокъ городищъ, такъ какъ раскопки, хотя бы въ видѣ пробныхъ траншей, могутъ дать кое-какіе предметы, а эти послѣдніе могутъ служить нѣкоторымъ основаніемъ при опредѣленіи времени городищъ.

Въ общемъ система проф. Антоновича по своей ясности и обоснованности, не оставляетъ желать ничего лучшаго. Если при группировкѣ и были опущены нѣкоторые типы городищъ, встрѣчающіеся въ данной мѣстности о чемъ заявилъ и самъ референтъ, то это сдѣлано или въ виду рѣдкости ихъ, или малоизвѣстности.

Въ началѣ своего сообщенія референтъ заявилъ о малой обслѣдованности городищъ, пожелаемъ же, чтобы и въ этомъ направленіи шло такое-же движеніе впередъ, какое идетъ въ другихъ областяхъ археологіи, на примѣръ, въ изслѣдованіи кургановъ.

Вскажемъ кстати нѣсколько пожеланій болѣе общаго характера. Въ каждомъ дѣлѣ, въ каждой работѣ удовлетворительное исполненіе находится въ зависимости отъ полноты находя-

щагося въ распоряженіи матеріала. Эта же самая азбучная истина имѣетъ мѣсто и при археологическихъ работахъ, и именно здѣсь мы зачастую натываемся на недостаточность или—правильнѣе—малознѣтность нужнаго матеріала. Дѣйствительно, свѣдѣнія о нашихъ памятникахъ старины по большей части носятъ случайный характеръ, они разбросаны по разнымъ источникамъ, и только въ рѣдкихъ случаяхъ можно встрѣтиться съ систематическимъ собираніемъ (какъ на примѣръ, собираніе такого рода свѣдѣній черезъ волости, предпринятое въ началѣ семидесятыхъ годовъ центральнымъ статистическимъ комитетомъ). Въ послѣднее время въ нашей наукѣ замѣчается стремленіе къ обобщенію такихъ данныхъ въ формѣ составленія археологическихъ картъ. Кто хотя немного знакомъ съ процедурой этого рода работъ, тотъ знаетъ, какая масса трудностей встрѣчается на пути, сколько ненужнаго хлама приходится перебрать, сколько потратить безплодныхъ усилій! И часто въ концѣ концовъ нужно бываетъ отказываться отъ работы изъ-за отсутствія матеріала. Вотъ почему намъ кажется, что вопросъ о приведеніи въ извѣстность существующихъ у насъ памятниковъ старины (мы имѣемъ въ виду болѣе крупные виды: городища, курганы, валы, стоянки и др.) долженъ быть поставленъ на первую очередь,—необходимъ *инвентарь* нашей старины, тогда только и можно будетъ намѣтить общій планъ изслѣдованій, приступить къ систематизаціи. Но вопросъ, конечно, въ осуществленіи. Есть два способа: первый, практиковавшійся уже и практикующійся отчасти и въ настоящее время—собираніе свѣдѣній отъ мѣстныхъ жителей; такимъ путемъ добыто уже много данныхъ, но здѣсь неудобнымъ представляется то обстоятельство, что эти свѣдѣнія поступаютъ отъ разныхъ лицъ, различно понимающихъ предложенные имъ вопросы, вслѣдствіе чего имѣютъ мѣсто иногда и недоразумѣнія; второй состоитъ въ осмотрѣ и зарегистрированіи памятниковъ старины *на мѣстѣ* лицами, знакомыми хотя бы и въ общихъ чертахъ съ задачами и приемами науки о древностяхъ. Если бы были организованы съ этой цѣлью экспедиціи, или, выражаясь скромнѣе экскурсіи, состояція изъ нѣсколькихъ лицъ или порученныя одному, то, ведя дѣло постепенно, не го-

нась за быстротой и соединивши затѣмъ свѣдѣнія, собранныя первымъ способомъ и взятыя изъ другихъ источниковъ, можно было бы, дѣйствительно, получить въ концѣ концовъ сравнительно полный инвентарь памятниковъ старины какой-нибудь извѣстной области.

Послѣ этого небольшого отступленія обратимся снова къ сѣзду и къ сообщеннымъ на немъ рефератамъ.

Оживленный обмѣнъ мнѣній вызвалъ рефератъ Н. Е. Бранденбурга—*„Какому племени могутъ быть приписаны тѣ изъ языческихъ могилъ кievской губернии, въ которыхъ вмѣстѣ съ покойниками погребены остатки убитыхъ лошадей?“* Могилы эти, типъ которыхъ довольно извѣстенъ и раскопкой которыхъ спеціально занимался референтъ, кромѣ костяковъ, съ постоянно сопутствующими имъ костями лошадей, даже тамъ, гдѣ погребены женщины и дѣти, заключаютъ разнообразныя предметы: шлемы, сабли, золотыя и серебряныя украшения; однѣ изъ нихъ схожи съ скиѣскими, другія напоминаютъ кievскія (серьги), третьи же указываютъ на связь съ Византіей; черепа въ могилахъ всѣ короткоголовые. По времени могилы могутъ граничить съ XI вѣкомъ. Основываясь на находкахъ въ могилахъ и сопоставляя византійскія извѣстія, референтъ приходитъ къ заключенію, что племя, оставившее могилы, было кочевое, воинственное и находилось въ связяхъ съ тогдашними культурными центрами, каковыми, съ одной стороны, была Византія, съ другой—Кіевъ. Племя это—Печенѣги (Пацинаки византійскихъ извѣстій).

Послѣ прочтенія реферата, отличавшагося полнотой и обстоятельностью, первымъ сдѣлалъ замѣчаніе академикъ Анучинъ. Замѣтивъ, что *при раскопкахъ не слѣдуетъ пренебрегать не только костями чловѣка, но также и животныхъ*, акад. Анучинъ остановился на скелетахъ двухъ лошадей изъ этихъ раскопокъ, которые ему пришлось видѣть въ артиллерійскомъ музеѣ. Для Европы существуютъ два типа лошадей: западный, европейскій, и восточный, азіатскій; найденные въ курганахъ кievской губ. скелеты относятся къ первому типу, и обстоятельство это нѣсколько усложняетъ вопросъ о принадлежности могилъ восточнымъ кочевникамъ.

Проф. Антоновичъ, остановившись на двухъ основныхъ положеніяхъ референта—на воинственности и кочевомъ бытѣ племени, оставившаго эти могилы,—замѣтилъ, что нахожденіе островъ лошадей еще не говоритъ за кочевой бытъ, а указываетъ лишь на то, что народъ этотъ былъ конный; что-же касается воинственности, то нужно принять въ соображеніе эпоху, къ которой могутъ быть отнесены могилы: это—эпоха князей завоевателей; сдѣлавъ затѣмъ характеристику предметовъ, оппонентъ считаетъ нѣкоторые изъ нихъ скорѣе славянскими, чѣмъ восточными; наконецъ территорія: это территорія Полянъ, никогда не бывшая вся цѣликомъ во владѣніи кочевниковъ. Такимъ образомъ, могилы эти могутъ принадлежать славянскому племени и, прежде всего, Полянамъ.

А. А. Спицынъ выразилъ мнѣніе, что курганы, раскопанные Н. Е. Бранденбургомъ, принадлежатъ Половцамъ. Вещи изъ этихъ кургановъ, особенно серьги характернаго типа, зеркала, золотая ткань и кораллы, могутъ быть относимы приблизительно лишь къ XIII в.; совершенно такія-же серьги и подобныя зеркала найдены были въ курганахъ Донской области и ставропольской губ., которые естественнѣе всего приписывать Половцамъ, такъ какъ на это указываютъ и мѣсто, и время погребеній, и неизмѣнность погребенія съ конемъ, свидѣтельствующая о степномъ образѣ жизни народа, оставившаго курганы.

Послѣ замѣчанія Н. Е. Бранденбурга, что онъ не ограничиваетъ территорію предѣлами кievской губ., въ преніяхъ приняли участіе проф. А. И. Соболевскій, проф. Ю. А. Кулаковскій и С. С. Слудскій, послѣдній по поводу мнѣнія, высказаннаго А. А. Спицынымъ. Проф. Соболевскій замѣтилъ, что подходящимъ народомъ въ мѣстахъ, указанныхъ А. А. Спицынымъ, могутъ быть Ясы, находившіеся въ сношеніяхъ съ Косогами и носящіе въ XV в. названіе Черкасъ. Названіе это появляется затѣмъ на западѣ Россіи, по отношенію къ жителямъ степной области; по имени этого народа и названъ г. Черкаскы. Ясы появляются далѣе въ Бессарабіи и Трансильваніи, и о нихъ, какъ объ особой народности, сообщаютъ писатели XVI в.; и они оставляютъ слѣдъ въ названіи города Яссы.

Проф. Ю. А. Кулаковскій, въ дополненіе къ свѣдѣніямъ объ Ясахъ, которыхъ онъ отождествляетъ съ Аланами, привелъ извѣстія о пребываніи этого народа въ Крыму и въ южно-русскихъ степяхъ въ XIII и началѣ XIV вв., а именно: указаль на данныя, заключающіяся въ посланіи еписк. Θεодора отъ 1240 г., а также на сообщенія объ участіи Аланъ въ походахъ Ногая и др. Обращаясь затѣмъ къ „національности“ погребенія съ конемъ, проф. Кулаковскій не высказывался за определенное племя, но настаивалъ на принадлежности этого типа погребенія „народу-коннику“, какимъ не могли быть Поляне.

С. С. Слуцкій высказался противъ приурочиванія могилъ съ конемъ Половцамъ, т. е. типъ могилъ, принадлежащихъ Половцамъ—курганы съ каменными бабами.

На что А. А. Спицынъ возразилъ, что раскопки кургановъ съ каменными бабами показали, что насыпи эти заключаютъ необыкновенное разнообразіе въ погребеніяхъ, начиная отъ скифской эпохи, и что вопросъ, какому времени и народу принадлежать каменные бабы, остается все еще нерѣшеннымъ.

Д. И. Иловайскій внесъ въ вопросъ новое предположеніе, напомнивъ о Черныхъ Клобукахъ, территория которыхъ какъ разъ совпадаетъ съ той, гдѣ были найдены погребенія съ конемъ. Народъ этотъ въ XI вѣкѣ потерялъ кочевой характеръ, но остался коннымъ и, благодаря сосѣдству съ Полянами, воспринялъ извѣстную степень культуры.

Проф. Антоновичъ по поводу мнѣнія Д. И. Иловайскаго замѣтилъ, касаясь одного народа Берендѣевъ, что имъ изслѣдована территория, которую занималъ этотъ народъ—долина рѣки Раставицы, но даннаго погребальнаго типа тамъ не обнаружено.

И такъ, какъ видимъ, вопросъ объ этнографической принадлежности могилъ съ остовами лошадей вызвалъ цѣлый рядъ разнообразныхъ мнѣній: тутъ мы встрѣчаемъ и Печенѣговъ, и Полянъ, и Половцевъ, и Ясовъ, и Аланъ, и Черныхъ Клобуковъ, но все таки вопросъ остается нерѣшеннымъ, какъ нерѣшены и многіе другіе, гдѣ дѣло касается этнографическаго приурочиванія памятниковъ нашей старины.

Раскопокъ кургановъ на югѣ Россіи касались еще два сообщенія. Проф. Ю. А. Кулаковскій доложилъ „О раскопкахъ крымскихъ кургановъ летомъ 1896 г.“ Разрытые курганы находятся между нижнимъ теченіемъ рѣкъ Качи и Бельбека, на югъ отъ Бахчисарая, и являются самыми южными курганами. Погребенія обнаружены двухъ типовъ, но принадлежать повидимому одному и тому-же племени. Первый типъ—могилы, углубленныя въ материкъ, покрыты онѣ деревомъ или камнемъ, скелеть большей частью крашенный, лежитъ на подстилкѣ изъ рѣчного камня или на землѣ, головой на сѣверо-востокъ, ноги поджаты; въ могилахъ встрѣчаются грубые горшки, изрѣдка кремневья орудія; бронза встрѣчается, какъ украшеніе, въ видѣ тонкихъ пластинокъ, нашитыхъ повидимому на кожу. Второй—каменные склепы, устраивавшіеся на готовыхъ уже курганахъ; склепы состоятъ изъ четырехъ большихъ плитъ, накрытыхъ пятой; изнутри плиты украшены линейнымъ орнаментомъ изъ черныхъ и красныхъ полосъ; костяки, также окрашенные, лежатъ въ такомъ-же положеніи, какъ и въ могилахъ перваго типа; встрѣчаются погребенія и въ сидячемъ положеніи; предметы, находимые въ нихъ—горшки, кремневья орудія и бронзовые наконечники копій. Курганы съ такого рода погребеніями часто встрѣчаются какъ въ Крыму, такъ и сѣвернѣе; принадлежали они повидимому племени, которое застали скиѣмъ, двигаясь съ востока; на это даетъ указаніе и то обстоятельство, что самыя древнія могилы, вставленныя уже въ существовашіе курганы съ вышеописаннымъ погребальнымъ типомъ, принадлежатъ скиѣамъ.

Въ заключеніе референтъ предложилъ назвать типъ такого погребенія *киммерійскимъ*.

Относительно послѣдняго предложенія референта В. З. Завитневичъ замѣтилъ, что это названіе, по отношенію къ тѣмъ-же курганамъ, уже раньше было употребляемо Д. И. Самоквасовымъ въ его классификаціи кургановъ.

Большой интересъ представляютъ кости, добытыя изъ этихъ кургановъ; племя, повидимому, было большого роста съ сильно развитой мускулатурой. Слѣдуетъ только пожалѣть, что на этотъ, въ высокой степени важный антропологическій матеріалъ, какъ

въ данномъ случаѣ, такъ и вообще, обращается очень мало вниманія. На наше замѣчаніе, высказанное въ этомъ духѣ, уважаемый референтъ отвѣтилъ, что невозможно забирать изъ кургановъ и сохранять всѣ кости. Мы вполне согласны, что въ нѣкоторыхъ случаяхъ это отчасти и излишне; если, напр., раскапываются сотни славянскихъ могилъ, то забирать всѣ костяки цѣликомъ—и неудобно и, пожалуй, бесполезно для цѣлей науки; въ этихъ случаяхъ достаточно занести въ дневникъ раскопокъ точныя измѣренія какъ всего костяка, такъ и его конечностей (исключеніе представляютъ черепа—они обязательно должны быть сохраняемы, какъ это давно признано въ наукѣ); но въ тѣхъ случаяхъ, гдѣ раскапываются курганы, которые можно считать самыми древнѣйшими, курганы въ общемъ сравнительно немногочисленные, то тщательное сохраненіе всѣхъ частей скелета, зачастую представляющаго очень важныя остеологическія особенности, является необходимымъ.

Г. А. Хойновскій, въ докладѣ—*„Курганы окрестностей г. Канева, кievской губ.“*, изложилъ результаты раскопокъ, также произведенныхъ лѣтомъ этого года. Охарактеризовавъ предметы, добытые въ курганахъ и продемонстрировавъ рисунки съ нихъ ¹⁾, референтъ очень обширно распространился объ этнографической принадлежности этихъ кургановъ и пришелъ въ концѣ концовъ къ заключенію, что курганы эти—славянскіе.

Проф. Антоновичъ возразилъ на это, что типъ этихъ кургановъ давнымъ давно извѣстенъ—ничего славянскаго въ нихъ нѣтъ, и они относятся къ т. н. скиѣскимъ курганамъ.

По имѣющимъ у насъ частнымъ свѣдѣніямъ мы знаемъ, что вмѣстѣ съ г. Хойновскимъ раскопку этихъ кургановъ производилъ Н. Я. Тарновскій, у котораго хранятся и вещи, добы-

¹⁾ Рисунки эти были выставлены на археологической выставкѣ; вмѣстѣ съ рисунками были выставлены и нѣкоторыя вещи коллекціи г. Хойновскаго. Обращаютъ на себя вниманіе бронзовыя цѣли и другія украшенія съ красной эмалью, подобныя найденнымъ въ масальскомъ у. калужской губ. и спорадически встрѣчающимся въ южной и западной Россіи; по словамъ экспонента, вещи эти найдены выше Кіева, если не ошибаемся, у села Петровецъ. Находка эта настолько важна, что ее слѣдовало провѣрить на мѣстѣ. Нап. асно только г. Хойновскій назвалъ эти украшенія „уборомъ жреца съ III столѣтія“ (sic!).

тыя изъ кургановъ. Будемъ надѣяться, что этимъ послѣднимъ со временемъ будетъ опубликованъ и дневникъ раскопокъ; только такимъ путемъ эти раскопки и могутъ сдѣлаться достояніемъ науки, всякія-же „мудрствованія лукавыя“, съ прибавкой большой дозы фантазіи, затемняютъ дѣло, и зачастую только смѣшны, а съ другой стороны, вызываютъ сожалѣнія, что научные факты, вслѣдствіе неумѣлаго обращенія съ ними, гибнутъ для науки.

Очень важнаго по своему значенію вопроса касался рефератъ академика Д. Н. Анучина—*„О христіанскихъ крестахъ и образкахъ въ могилахъ средней и западной Россіи“*. Рефератъ этотъ съ очевидностью показалъ, насколько, съ одной стороны, тѣсна связь археологіи съ этнографіей, съ другой—какую услугу можетъ оказать археологія въ вопросахъ междуплеменныхъ сношеній и культурныхъ вліяній. Референтъ остановился главнымъ образомъ на древнихъ могилахъ X—XII вв. средней полосы Россіи, въ которыхъ встрѣчались, и довольно часто, кресты и образки. Нѣкоторые изъ крестовъ представляютъ изъ себя одинъ изъ разновидностей орнамента, употреблявшагося на украшеніяхъ,—ихъ референтъ не касался, но за то другіе, какъ напр. съ изображеніемъ распятія, и въ особенности образки, несомнѣнно христіанскаго происхожденія. Вопросъ сводится къ тому: имѣемъ ли мы здѣсь дѣло съ христіанами, погребенными по языческому обряду, или кресты и образки употреблялись язычниками только въ качествѣ украшеній или символовъ безъ сознанія ихъ настоящаго значенія? Въ томъ и другомъ смыслѣ были высказываемы мнѣнія учеными; референтъ склоняется къ послѣднему, и въ качествѣ доказательства приводитъ результаты раскопокъ, произведенныхъ въ послѣднее время Ф. Д. Нефедовымъ въ курганахъ костромской губ. Курганы по содержанию представляютъ наибольшее сходство съ мерянскими, исследованными гр. Уваровымъ; въ нихъ обнаружены погребенія, а иногда и трупосоженія; характеръ находимыхъ предметовъ указываетъ на болѣе тѣсныя сношенія съ востокомъ, чѣмъ съ западомъ. Среди подвѣсокъ найдено было также болѣе 40 крестовъ и образковъ; кресты разныхъ типовъ: врѣзанные въ круглые медальоны, соединенные съ полумѣсяцемъ, отдѣльные

кресты, обыкновенно равноконечные, иногда съ финифтъю; разныхъ типовъ и образки: съ изображеніемъ Богородицы со Спасителемъ на рукѣ, святаго съ копьемъ—вѣроятно св. Георгія и двухъ святыхъ. Большинство изъ нихъ найдено на груди и шеѣ; составляли они вѣроятно часть ожерелья, наряду съ другими привѣсками. Но 6 образковъ (2—Богоматери и 4—св. Георгія) найдены соединенными съ бронзовыми колечками около черепа и служили украшеніемъ серегъ, что говоритъ за употребленіе образковъ не какъ предметовъ священныхъ, а какъ украшеній. Въ одномъ только случаѣ среди данныхъ кургановъ встрѣтилось, повидимому, погребеніе христіанина; погребеніе ничѣмъ не отличалось отъ другихъ языческихъ, но у скелета, немного выше его, нашелся довольно большой складной крестъ, съ изображеніемъ на обѣихъ сторонахъ стоящихъ фигуръ святыхъ; на одной сторонѣ находится надпись: $\begin{matrix} \text{ГЛБ} \\ \text{КО} \end{matrix}$, что очевидно обозначаетъ „Глѣбъ“—„Борисъ“; подобныя кресты очень часто встрѣчаются въ южной Россіи и относятся къ XII—XIII вв. Въ заключеніе референтъ привелъ нѣсколько параллелей къ сообщеннымъ фактамъ изъ современной этнографіи; такъ напр., у Остяковъ кресты привѣшиваются къ вышитымъ бисеромъ нагрудникамъ наряду съ другими привѣсками.

Въ обсужденіи различныхъ вопросовъ, поднятыхъ этимъ рефератомъ, принимало участіе нѣсколько лицъ. Упомянемъ о замѣчаніи В. И. Сизова, о профилактическомъ значеніи разныхъ символовъ, которые брались и изъ другихъ религій, какъ напр.—наши „змѣвики“ съ головой Медузы.

Тема реферата Д. Н. Апучина настолько интересна, что весьма желательна дальнѣйшая разработка ея. Референтъ коснулся главнымъ образомъ этнографической стороны, въ такой-же мѣрѣ заслуживаетъ вниманія и другая сторона—культурныхъ взаимоотношеній.

Распространенія христіанства среди языческихъ племенъ касалось и сообщеніе свящ. С. Е. Звѣрева—*„Слѣды христіанства на Дону въ домонгольскій періодъ“*. Для рѣшенія этого вопроса въ утвердительномъ смыслѣ референтъ указалъ,

съ одной стороны, на косвенныя обстоятельства—давность христіанства на югѣ Россіи, сосѣдство съ епархіями Черниговской и Рязанской (между прочимъ проф. Голубинскій утверждаетъ, что часть нынѣшней воронежской губерніи входила тогда въ составъ обширной черниговской епархіи), и т. п., съ другой—на прямыя, заключающіяся въ находкахъ; такъ напр., въ Цимлянскомъ городищѣ вмѣстѣ съ предметами языческаго быта, встрѣчались разнаго рода крестики.

Замѣтимъ отъ себя, что кресты эти, насколько можно было судить по рисункамъ, представляютъ полное тождество съ находимыми въ большомъ количествѣ на югѣ—въ Киевской и сосѣднихъ областяхъ.

Другому роду памятниковъ былъ посвященъ рефератъ проф. В. К. Мальмберга—*„Время и мѣсто происхожденія греческихъ и греко-варварскихъ издѣлій, найденныхъ въ Южной Россіи“*. Матеріаломъ для реферата послужили два рода предметовъ: предметы изъ благородныхъ металловъ и расписныя вазы. Первые изъ нихъ, напр.—золотыя и серебряныя сосуды и украшенія, встрѣчаются обыкновенно въ большихъ курганахъ, т. н. скифскихъ царей; вторые—въ небольшихъ могилахъ, какъ полагаетъ референтъ—эллинскихъ колонистовъ. Выдающіеся по совершенству работы экземпляры, какъ металлическихъ, такъ и глиняныхъ издѣлій, считаются привозными; въ вопросѣ же, вызывающемъ разногласіе, откуда привозились эти предметы—изъ Аттики или изъ Малой Азіи,—референтъ держится второго мнѣнія, замѣчая при этомъ, что нѣкоторыя вещи, какъ напр., чертомлыцкая и кульобская вазы приготавливались греческими мастерами въ Россіи; референтъ особенно подробно остановился на одномъ ажурномъ золотомъ предметѣ, найденномъ проф. Н. И. Веселовскимъ, по которому можно замѣтить вліяніе мѣстнаго вкуса на греческаго мастера. Что касается расписныхъ вазъ, то референтъ соглашается съ тѣмъ, что лучшія изъ нихъ вывезены изъ Аттики, гдѣ въ концѣ VI и въ теченіе V в. в. эта отрасль искусства достигла высшаго совершенства и сдѣлала невозможной конкуренцію другихъ мѣстностей; но однако нѣкоторыя привозились изъ Малой Азіи, на что указываютъ, напр.,

амфорныя ручки съ штемпельми. Существованіе сношеній между югомъ Россіи и Малою Азіей подтверждается и находками другихъ предметовъ; изъ нихъ референтъ упомянулъ о двухъ бронзовыхъ вещахъ конца V вѣка,—это горгона, найденная въ 1892 году въ херсонской губерніи, и женская статуэтка, найденная около Херсовеса въ нынѣшнемъ году.

Рефератъ проф. Х. Р. фонъ-Штерна—*„О поддѣлкѣ предметовъ классической древности на югѣ Россіи“* касался тѣхъ-же древностей, что и предыдущій, но касался „жгучаго“, по выраженію референта, вопроса о все болѣе и болѣе усиливающейся фальсификаціи ихъ. Фальсификація распространяется на всѣ виды предметовъ: поддѣлываются монеты, терракоты, расписныя вазы и особенно въ последнее время издѣлія изъ золота. Референтъ дѣлаетъ характеристику поддѣлокъ каждаго вида древностей.

Менѣе всего опасной и мало распространенной является фальсификація монетъ; центръ поддѣлыванія монетъ Босфорскаго царства находился не въ Россіи; затѣмъ, поддѣлки, за исключеніемъ поддѣлокъ фабриканта Сазонова, настолько грубы, что ихъ всегда легко отличить.

За то поддѣлка другихъ предметовъ поставлена иначе: она производится на мѣстѣ, распространяется все сильнѣе и зачастую доводится въ техническомъ отношеніи до такого совершенства, что и спеціалисту трудно разобрать.

Глиняные сосуды въ общемъ фабрикуются также довольно грубо: они не такъ легки, какъ настоящіе, лакъ наводится толстымъ слоемъ, изображенія на сосудахъ примѣтивны; встрѣчаются между ними и не фальсификаты, а подражанія древне-классической керамикѣ, какъ напр.—вазы, сдѣланныя не изъ глины, а изъ тяжелой алебастровой массы, въ стилѣ работъ Торвальдсена, и только въ послѣдствіи пущенныя торговцами въ продажу подъ видомъ древнихъ. Терракотовыя издѣлія поддѣлываются искуснѣе, фабриканты иногда прибѣгаютъ къ разнымъ уловкамъ, напр.: разбиваютъ ихъ и послѣ склеиваютъ, чтобы замаскировать вѣсь, помѣщаютъ между фальшивыми и настоящія вещи, и т. п. Терракоты представляютъ обыкновенно человѣ-

ческія или звѣринныя фігуры; иногда фантазія фальсификатора разыгрывается—и поддѣлку легко отличить, въ общемъ же поддѣлка ограничивается копированіемъ извѣстныхъ образцовъ, и въ этомъ отношеніи особенной опасности для науки не представляется. Референтъ предлагаетъ въ болѣе значительныхъ собраніяхъ и музеяхъ выдѣлять такіе фальсификаты, это помогло бы разбираться въ нихъ и предостерегало бы отъ пріобрѣтенія поддѣлокъ.

Гораздо большій вредъ приноситъ фальсификація надписей (о ней были уже статьи В. В. Латышева и референта, послѣдняя въ XVIII т. Записокъ Одесскаго Общ. Исторіи и древностей). Фальсификація существовала уже и до выхода въ свѣтъ сборника надписей Латышева; послѣ выхода она усиливается, но, на первыхъ порахъ, въ сравнительно небольшой степени; надписи эти изготовлены на кускахъ древняго мрамора и представляютъ цеструю смѣсь греческихъ буквъ, причѣмъ шрифты взяты изъ различныхъ періодовъ; на нѣкоторыхъ надписяхъ встрѣчаются фантастическія изображенія, а иногда и рельефы. Но въ началѣ 90-хъ годовъ главные фальсификаторы—братья Гохманы въ Очаковѣ—заручились содѣйствіемъ болѣе образованныхъ сотрудниковъ, знакомыхъ съ греческой исторіей, литературой и эпиграфикой; фальсификація надписей приняла другой оборотъ, появляются связные греческіе тексты, въ эпиграфическомъ отношеніи сработанные безукоризненно, и только по нѣкоторымъ мелкимъ промахамъ (неумѣнье отличать буквы Θ и Φ, неправильность въ образованіи и согласованіи падежей) можно открыть поддѣлку. Мраморныя плиты—товаръ очень громоздкій, неудобный для далекаго транспорта, поэтому въ послѣднее время по незначительности сбыта поддѣлка надписей пріостановилась—мѣстные собиратели, наученные опытомъ, воздерживаются отъ пріобрѣтенія ихъ. Тогда вниманіе фальсификаторовъ обращается на другой родъ предметовъ.

Поддѣлка золотыхъ древнихъ издѣлій оказалась гораздо болѣе выгодной, такъ какъ для нихъ открывался широкій рынокъ и за границей. Поддѣлка производится подъ руководствомъ тѣхъ-же, или правильнѣе—того-же ученаго сотрудника. Трудно

точно опредѣлить, когда началась поддѣлка: въ одной коллекціи, находящейся въ Эрмитажѣ и составленной до 80-хъ годовъ, поддѣлокъ немного; съ 80-хъ годовъ фабрикація фальшивыхъ вещей все увеличивается и достигла въ настоящее время большихъ размѣровъ. Первые поддѣлки, которыя референтъ имѣлъ возможность изучить, находились въ коллекціи покойнаго Бурачкова, пожертвованной въ Одесскій музей; здѣсь есть золотая круглая коробочка со вставленными сирійскими гранитами, пара серегъ, браслетъ и золотая бляшка съ мифологической сценкой, исполненной плоскимъ рельефомъ; всѣ эти вещи, по словамъ жертвователя, были найдены въ Ольвіи. Однимъ торговцемъ была приобретена въ Екатеринославѣ бляшка съ такой-же сценкой; третій экземпляръ ея находится въ коллекціи Д. И. Толстаго. Референтъ останавливается на этихъ поддѣлкахъ потому, что онѣ представляютъ и нѣкоторыя черты общаго характера. Именно прежде всего мѣстомъ нахождения такихъ вещей всегда называется Ольвія;—мѣсто выбрано очень удачно, такъ какъ оно лежитъ въ глуши, въ другихъ-же мѣстахъ на побережьи Чернаго моря установленъ надзоръ: живутъ любители, которые легко могутъ разслѣдовать дѣло на мѣстѣ, или производится раскопки, какъ напр.—въ Херсонесѣ. Вблизи Ольвіи (теперешнее село Парутино), въ Очаковѣ, живутъ главные распространители этихъ фальшивыхъ вещей—братья Гохманы; они то и являются руководителями дѣла. Пользуются они тѣмъ, что въ публикѣ распространены слухи о раскопкахъ парутинскими крестьянами своихъ участковъ, хотя, на самомъ дѣлѣ, тѣ мѣста, гдѣ могутъ встрѣтиться цѣнныя находки, лежатъ внѣ крестьянскихъ участковъ, и здѣсь мѣстной владѣлицей гр. Музиной-Пушкиной установленъ строгій надзоръ. Кромѣ того, характернымъ представляется и то, что поддѣлки, какъ напр., вышеупомянутая бляшка, распространяются въ нѣсколькихъ экземплярахъ—поддѣльватели стараются вознаградить себя за приготовленный, штемпель или форму.

Не перечисляя всѣхъ извѣстныхъ поддѣлокъ, референтъ останавливается на болѣе замѣчательныхъ.

Такъ, кишиневскимъ собирателемъ г. Суручаномъ, лѣтъ пять тому назадъ была пріобрѣтена золотая корона съ надписью; надпись оказалась безграмотной, и поддѣлка была обнаружена.

Вслѣдъ за короной были изготовлены и другія вещи, напр. 3 пары золотыхъ сандалій и нѣсколько діадемъ; большинство этихъ вещей продано за границу.

Изъ письма покойнаго Курціуса референтъ узналъ, что въ Краковѣ находится пара золотыхъ сандалій, діадема и маска съ надписью; надпись эта, повидимому, принадлежитъ тому-же автору, что и надписи на мраморахъ, а поэтому можно судить, что и всѣ вещи поддѣльныя; между тѣмъ, одинъ нѣмецкій молодой ученый собирался даже писать статью по поводу этихъ вещей, а также и по поводу другихъ, происходящихъ будто-бы также изъ Ольвіи и находящихся въ Франкфуртѣ; можно поэтому судить, насколько совершенно исполнена поддѣлка. Изъ указанныхъ выше вещей другая пара сандалій была послана графу Бобринскому, третья-же была передана золотыхъ дѣлъ мастеру де-Морье въ Одессѣ для переплавки, такъ какъ компанія фальсификаторовъ не надѣялась сбыть ее; изъ этихъ сандалій была сдѣлана корона, попавшая въ коллекцію г. Фришена въ Николаевѣ; о ней сдѣлалъ сообщеніе Курціусъ въ засѣданіи Берлинскаго археологическаго общества и писалъ въ недавнее время членъ Имп. археологической комисіи г. Веселовскій. Для того, чтобы продать эту корону, шайка поддѣльвателей пустилась на разныя хитрости, и черезъ подставныхъ лицъ—парутинскихъ крестьянъ—корона и другія вещи дѣйствительно были проданы за довольно большую сумму; въ поддѣльности же вещей нельзя сомнѣваться; ее обличаютъ надписи на нѣкоторыхъ изъ нихъ: предметы, по словамъ мнимыхъ находчиковъ, найдены въ одной могилѣ, надписи же, по характеру шрифтовъ, отдѣлены промежуткомъ въ 6 или 8 столѣтій!

Фальшивыя вещи въ общемъ изготовляются очень искусно, помощь образованнаго сотрудника очень усложняетъ дѣло опредѣленія, и, поддаваясь первому впечатлѣнію, легко впасть въ ошибку; только болѣе внимательное изслѣдованіе вещей людьми

знающими дѣло, и можетъ открыть фальсификацію. Референтъ упомянулъ также и о пресловутой тiарѣ, пріобрѣтенной Луврскимъ музеемъ: по его мнѣнію, она также фальшивая. Въ заключеніе референтъ перешелъ къ важному и насущному вопросу—о мѣрахъ искорененія или на первыхъ порахъ сокращенія этого предосудительнаго промысла. Судебное или полицейское преслѣдованіе является дѣломъ очень труднымъ, такъ какъ, съ одной стороны, шайка дѣйствуетъ очень ловко, съ другой—жертвы этой шайки—коллекціонеры и любители—изъ ложнаго стыда обыкновенно не поднимаютъ дѣла; остается одно—дѣйствовать путемъ широкой гласности, предостерегая публику отъ покупки поддѣлокъ.

Мы вполне присоединяемся къ мнѣнію референта и вотъ почему позволили себѣ такъ подробно передать содержаніе его интереснаго реферата.

Проф. фонъ-Штернъ коснулся только фальсификацій предметовъ классической древности, мѣстомъ производства которыхъ является Одесса (поддѣлкой здѣсь занимается мастерская де-Морье и какой-то литовскій еврей). Въ послѣднее время промыселъ этотъ захватываетъ болѣе широкій районъ, что находится въ связи съ увеличивающимся спросомъ на древности. Чтобы далеко не ходить, замѣтимъ, что въ Кіевѣ и, кажется въ Бердичевѣ, имѣются мастерскія древностей, правда, по работѣ, очень уступающія Одесскимъ; поддѣлываются тутъ древности главнымъ образомъ великокняжескаго періода, такъ какъ таковыя чаще всего встрѣчаются въ нашемъ краѣ. Кіевскіе коллекціонеры знакомы съ ними, и не мало ихъ перешло черезъ руки извѣстнаго кіевского торговца Богданова; при сбытѣ вещей употребляются и одинаковые приемы: дѣйствуютъ черезъ подставныхъ лицъ, обыкновенно крестьянъ, распускаются слухи о находкахъ, помѣщаютъ среди поддѣлокъ нѣсколько настоящихъ вещей и т. п. Кіевскія поддѣлки еще пока довольно грубы, легко отличаются, но, благодаря тому, что нѣкоторые изъ кіевскихъ любителей древностей не обладаютъ въ достаточной мѣрѣ ни знаніями, ни опытомъ, онѣ все таки имѣютъ сбытъ. Еще разъ пожелаемъ вмѣстѣ съ референтомъ о возможно большемъ рас-

пространеніи гласности въ этомъ дѣлѣ; много могли бы помочь тутъ сами собиратели, оглашая тѣ неприятыя случаи, жертвой которыхъ имъ пришлось быть, называя и тѣхъ лицъ, черезъ которыхъ они введены были въ заблужденіе, и зачастую заблужденіе довольно дорогое. Отъ ошибки никто не гарантированъ, такъ что ложный стыдъ можно и отбросить.

Древнѣйшей географіи и этнографіи южной Россіи касался частью рефератъ проф. О. Г. Мищенка—*„Извѣстія Геродота о внѣ-скифскихъ земляхъ Россіи“*, въ которомъ референтъ, сдѣлавъ подробную характеристику Геродота, какъ историка и этнографа, постарался дать объясненія тѣмъ мѣстамъ его извѣстій о Россіи, которыя касались народовъ, обитавшихъ за предѣлами Скифіи. Одни изъ нихъ занимали части нынѣшней Европейской Россіи, другіе—Азиатской и даже заходили за предѣлы теперешнихъ русскихъ владѣній. Референтъ отмѣчаетъ, что вообще Геродотъ обращаетъ больше вниманія на народы востока, съ которыми у грековъ были болѣе тѣсныя связи, чѣмъ на народы запада. При распредѣленіи народностей Геродота по племенамъ, проф. Мищенко приходитъ къ слѣдующимъ выводамъ: гелоны—это элины, смѣшанные со скифами, и поэтому городище Узець, лежащее въ 8-ми верстахъ отъ Саратова, не было городомъ Гелономъ, какъ это нѣкоторые полагаютъ; будины, невры и агасфиры принадлежали къ народамъ иранскимъ; андрофаги, меланхлены, иреки, фиссагеты—къ финнамъ; аиппай, песедоны—къ монголамъ; тавры—къ кельтамъ; массагеты—коллективное названіе многихъ племенъ, въ число которыхъ входили нынѣшніе киргизы и киргизъ-кайсаки. Что касается западной Скифіи, то Геродотъ болѣе всего интересуется днѣпровскимъ воднымъ путемъ, благодаря которому, вѣроятно, и въ то уже время предприимчивые люди достигали береговъ Балтійскаго моря ради добычи янтаря.

Мы не будемъ останавливаться на замѣчанія, вызванныхъ этимъ, составленнымъ съ такимъ знаніемъ дѣла, рефератомъ,—они касались частныхъ вопросовъ—и повторимъ вмѣстѣ съ референтомъ, что изученіе Геродота, отъ русской исторіи, лежитъ на обязанности русскихъ ученыхъ, изученіе тѣмъ болѣе

желательное, что Геродотъ даетъ обильный матеріалъ какъ географическій, такъ и этнографическій.

Скажемъ нѣсколько словъ и о другихъ рефератахъ, такъ или иначе касавшихся южной Россіи. Проф. Н. И. Петровъ въ сообщеніи „Сказаніе о перенесеніи образа св. Николая Зарайскаго изъ Корсуня, черезъ Ригу, въ Зарайскъ въ 1224—5 годовъ“ отрицаетъ возможность существованія этого образа въ Корсунѣ или Херсонесѣ Таврическомъ, и дѣлаетъ предположеніе, что такой образъ находился въ Кіевѣ, откуда былъ перенесенъ черезъ Смоленскъ, Ригу, Кессъ (проф. Соболевскій, по прочтеніи реферата, разъяснилъ, что Кессъ—это теперешній Венденъ) и Новгородъ въ Рязанскую землю; въ подтвержденіе своего мнѣнія проф. Петровъ указалъ на то, что въ русской церкви установленіе праздника въ честь перенесенія мощей св. Николая въ Баръ-градъ произошло въ 1089 г. и что слѣдовательно, образъ не могъ быть написанъ раньше, что въ Кіевѣ въ до татарскую эпоху былъ образъ этого типа, и т. д.

М. П. Истоминъ въ рефератѣ „Къ исторіи живописи въ Кіево-Печерской Лаврѣ“ старался опредѣлить время и путь, какимъ западное вліяніе проникло въ южно-русскую церковную живопись. Референтъ въ своихъ выводахъ основывается на матеріалѣ, найденномъ въ библіотекѣ Кіево-Печерской Лавры. Это, прежде всего, рисовальныя руководства, изданныя въ Германіи, Голландіи, Англіи, Франціи, Итали и Венеціи, конца XVII и XVIII вв., по которымъ происходило обученіе; они наполнены главнымъ образомъ гравюрами изъ Ветхаго и Новаго Завѣтовъ; съ этихъ гравюръ и брали свои сюжеты южно-русскіе художники. На это даетъ нѣкотораго рода указанія другой видъ матеріала—*кужбушки* (Kunstabuch), въ которыхъ помѣщались пробныя рисунки, эскизы и т. п. Такимъ образомъ, время особаго развитія западнаго вліянія опредѣляется концомъ XVII и первой половиной XVIII вв. Въ распоряженіи референта находился еще третій родъ матеріала—рукописныя перечни тѣхъ иконныхъ и портретныхъ изображеній, какими были украшены стѣны лаврской церкви въ XVIII в.; на основаніи ихъ референтъ приходитъ къ заключенію, что эта стѣнная живопись, хотя и возоб-

новлялась нѣсколько разъ въ XVIII и XIX вв., но, по выработкѣ своего первоначальнаго содержанія, относится ко времени митрополита Петра Могилы.

Это послѣднее заключеніе вызвало замѣчаніе со стороны проф. Н. И. Петрова, доказывавшаго, что живопись Лаврской церкви XVII в. не имѣла ничего общаго съ живописью XVIII в. Вопросъ о живописи лаврской церкви—вопросъ животрепещущій, по крайней мѣрѣ онъ былъ такимъ до послѣдняго времени; теперь, какъ извѣстно, вся стѣнная живопись уничтожена и стѣны будутъ расписываться заново художникомъ П. В. Верещагинымъ. Уничтоженіе старой живописи уже успѣло вызвать полемику въ газетахъ, гдѣ особенно высказывались сожалѣнія объ уничтоженіи портретовъ благотворителей Лавры, и очень жаль, что уважаемый референтъ не затронулъ этого вопроса въ своемъ интересномъ сообщеніи;—пора бы специалистамъ объяснить намъ, дѣйствительно ли въ данномъ случаѣ уничтожена живопись, имѣющая историческое значеніе, или не имѣвшая его? Хотѣлось бы получить отвѣты и на нѣкоторые болѣе частные вопросы: святы ли были точныя копи или, по крайней мѣрѣ, фотографіи со всѣхъ изображеній, приняты ли были вообще мѣры къ тому, чтобы живопись эта, каково бы ни было ея происхожденіе, осталась доступной для изученія. Вѣдь и она составляетъ ступень въ исторіи живописи Лаврской церкви, и она оставила слѣды въ душахъ тѣхъ сотенъ тысячъ богомольцевъ, которые стекались съ разныхъ угловъ Россіи для поклоненія древней святынь...

Закончимъ нашъ перечень двумя рефератами проф. Д. И. Багалія. Первый изъ нихъ— „*О Магдебурскомъ правѣ въ городахъ лѣвобережной Малороссіи*“ представлялъ изъ себя краткое изложеніе обширнаго изслѣдованія автора, посвященнаго этому вопросу и составленнаго въ параллель къ изслѣдованіямъ професоровъ Владимірскаго-Буданова и Антоновича о Магдебурскомъ правѣ въ городахъ правобережной Малороссіи. Для своего изслѣдованія референтъ пользовался главнымъ образомъ архивными матеріалами. Изслѣдованіе состоитъ изъ слѣдующихъ частей: 1) внѣшняя исторія Магдебурскаго права въ городахъ Переяславѣ, Черниговѣ, Нѣжинѣ, Стародубѣ и менѣ зна-

чительныхъ—въ Погарѣ, Почепѣ, Мглинѣ и др.; 2) внутреннее устройство городского управленія на основнїи фактическихъ матеріаловъ; 3) послѣдняя судьба городского самоуправленія по Магдеб. праву, съ указаніемъ причинъ и условій, неблагоприятствовавшихъ самоуправленію городовъ по магдеб. порядкамъ ¹⁾).

Другой рефератъ про ф. Багалъя—*„Роль Харьковскаго университета въ дѣль изученія древностей въ эпоху императора Александра I“*, помимо специальной темы, заключалъ и нѣсколько соображеній общаго характера; на нихъ мы прежде всего и остановимся. Упомянувъ о дружной работѣ на полѣ археологїи, которая замѣчается въ послѣднее время, референтъ указалъ на одинъ источникъ, недостаточно еще эксплуатированный русской археологїей,—это письменные памятники. И въ настоящее время многіе археологи пользуются историческими матеріалами для своихъ специальныхъ темъ, но этого въ общемъ недостаточно: вопросъ долженъ быть поставленъ шире, необходимо приступить къ систематизаціи тѣхъ данныхъ, которые касаются матеріальной стороны прошлой жизни и которыхъ такъ много какъ въ печатныхъ, такъ и въ письменныхъ источникахъ. Для этой цѣли могутъ дать обильный матеріалъ, напр., писцовыя книги или другіе историко-географическіе матеріалы, путешествія, содержащія много указаній археологическаго характера, много драгоцѣнныхъ свѣдѣній могутъ дать и архивы нашихъ археологическихъ учрежденій и статистическихъ комитетовъ, заключающіе огромный запасъ данныхъ для исторїи русской археологїи. Референтъ обращалъ вниманіе на эту послѣднюю; безъ нея въ большой степени будетъ затруднена классификаціа нашихъ памятниковъ; попытки научной классификаціи были уже, но, благодаря разбросанности источниковъ, при отсутствїи библиографическихъ указателей, общей археологической карты и исторїи изысканій, попытки эти оказались преждевременными и недостаточно обоснованными. Исторїа археологическихъ изученій необходима и для опредѣленія достоинства и недостатковъ

¹⁾ Въ данномъ случаѣ, какъ и въ нѣкоторыхъ другихъ, мы пользовались для изложенія краткими резюме, помѣщенными въ „Извѣстіяхъ“ съѣзда.

самихъ методовъ и приѣмовъ собиранія матеріала, а это имѣть большое значеніе, такъ какъ нигдѣ въ археологіи, особенно въ прежнее время, не было пущено въ научный обиходъ такъ много неосновательныхъ мнѣній и гипотезъ. Важное значеніе имѣла-бы такая исторія и въ нравственно-общественномъ отношеніи: была бы произведена оцѣнка работъ какъ крупныхъ дѣятелей, такъ и болѣе мелкихъ, зачастую посвятившихъ всю свою жизнь безкорыстной работѣ; наконецъ, и масса малоизвѣстныхъ или забытыхъ труженниковъ увидѣли бы, что ихъ скромныя усилія не пропали даромъ. Предлагаемая задача очень трудна, но все таки исполнима, а главное необходима; выполнена она можетъ быть только соединенными усиліями какъ центральныхъ археологическихъ учрежденій, такъ и областныхъ провинціальныхъ обществъ и дѣятелей; въ основу долженъ быть положенъ тотъ областной методъ, который далъ такіе блестящіе результаты при разработкѣ исторіи.

Программа, только что приведенная, очень широка; референтъ коснулся ея слегка, и, конечно, желательно, чтобы она была разработана детально. Если нѣкоторыя изъ ея частей не являются чѣмъ-то новымъ, то за референтомъ остается заслуга, что онъ снова поднялъ эти вопросы. Напр., мысль о выборкѣ археологическихъ данныхъ изъ разныхъ источниковъ явилась уже давно въ Имп. Московскомъ Археологическомъ Обществѣ; ее предположено было осуществить въ формѣ „Археологическаго словаря“; было уже положено и начало словарю, но дѣло это въ послѣдствіи замерло. Что касается исторіи археологическихъ изслѣдованій, то здѣсь основой, первымъ камнемъ должна явиться археологическая библиографія; вопросъ этотъ также давно уже былъ поставленъ на очередь покойнымъ представителемъ Московск. Археологич. Общества гр. А. С. Уваровымъ, такъ широко всегда понимавшимъ задачи русской археологіи; имъ была даже учреждена на этотъ предметъ премія при Обществѣ, но, до послѣдняго времени, дѣло это находилось въ зачаточной стадіи, и только теперь поставлено на надлежащую почву членомъ Имп. Археологической Коммиссіи А. А. Спицынымъ; имъ собранъ уже богатый матеріалъ; часть его, съ распредѣленіемъ по гу-

берніямъ, напечатана и скоро выйдетъ въ свѣтъ (въ I-мъ т. Трудовъ Русскаго Отдѣленія Императ. Русскаго Археологическаго Общества).

Въ второй части реферата проф. Багалѣй иллюстрировалъ свои вышеизложенныя соображенія краткими справками о томъ, что сдѣлано было Харьковскимъ университетомъ для археологіи въ царствованіе имп. Александра I. Уставъ 1804 г., дышавшій полнымъ довѣріемъ къ университетамъ, отдалъ въ ихъ вѣдѣніе среднія и низшія учебныя заведенія; такимъ образомъ установилась связь, и, благодаря ей, получило первый толчекъ и дѣло изслѣдованія мѣстныхъ древностей. Профессора, при осмотрѣ училищъ, и дѣятели этихъ послѣднихъ стали собирать свѣдѣнія о древностяхъ, сюда-же были включены метеорологическія и физико-географическія наблюденія, собираемыя по программамъ, составленнымъ физико-математическимъ и историко-филологическимъ факультетами Харьковскаго университета; историко-географическую программу составилъ авторъ „Русскихъ древностей“ проф. Г. П. Успенскій. Одинъ изъ визитаторовъ (профессоровъ, командированныхъ для осмотра училищъ)—Дюгуровъ, во время пребыванія въ Нѣжинѣ, изучилъ тамошніе древніе малорусскіе акты, а, отправившись въ Новороссію, изслѣдовалъ бытъ жившихъ тамъ Ногайскихъ Татаръ и напечаталъ о нихъ изслѣдованіе. Референтъ остановился главнымъ образомъ на трехъ типичныхъ археологическихъ развѣдкахъ: проф. Рижскаго, проф. Раммеля и Бѣлецкаго-Носенко.

Проф. Рижскій отправился на мѣсто древней Ольвіи. Въ своемъ отчетѣ онъ сообщилъ о древней надписи, высѣченной на камнѣ, найденномъ въ имѣніи адмирала де-Рибаса и сообщенной профессору свящ. Куницкимъ; на основаніи личнаго осмотра дѣлаетъ онъ описаніе Ольвійскаго городища; при отчетѣ препровождаетъ списки съ двухъ надписей, видѣнныхъ имъ у тамошнихъ жителей, и разныя древнія вещи—сосудъ, обломки сосудовъ, монеты. Проф. Рижскій, будучи въ Екатеринославѣ, ѣздилъ также на каналъ, который рылся въ обходъ пороговъ, такъ какъ узналъ, что тамъ находятъ разныя вещи; онъ сдѣлалъ описаніе Ненасытецкаго порога и канала, описалъ одно солено-горькое

озеро въ новомосковскомъ у. екатеринославской губ. и сдѣлалъ перечень различныхъ камней, доставленныхъ въ университетъ для минералогическаго кабинета.

Свѣдѣнія объ экскурсіи проф. Раммеля сохранились въ его воспоминаніяхъ. Онъ описываетъ, какъ отправился осматривать камень возлѣ Святогорскаго монастыря на берегу Донца. Камень былъ съ надписью; разобрать ее проф. Раммель не могъ, но сдѣлалъ факсимиле и отправилъ въ Петербургъ; надпись онъ сближаетъ „съ рунами сибирскихъ или скиѣскихъ народовъ“, обнародованными Палласомъ.

Бѣлецкій-Носенко сообщаетъ данныя объ одномъ городищѣ прилуцкаго уѣзда, объ остаткахъ у населенія языческихъ обычаевъ, передаетъ разсказъ о находкѣ въ 1808 г. въ с. Радковкѣ древней бронзовой статуи и прилагаетъ очень поэтическое описаніе ея.

Этимъ и исчерпывается все, что непосредственно касается южной Россіи.

Въ многочисленныхъ другихъ реферератахъ, доложенныхъ на съѣздѣ, затрогивались какъ частныя, такъ и общіе вопросы русской археологіи. Укажемъ нѣкоторые изъ нихъ.

А. Я. Ефименко, въ рефератѣ „Объ археологическихъ формахъ землевладѣнія у германцевъ и славянъ“, указавъ, прежде всего, на то, что археологія должна включить въ область своихъ изученій и первобытное землевладѣніе, остановилась на недавно вышедшей работѣ берлинскаго проф. Мейцена. (A. Meitzen, Siedelung und Agrarwesen der Westgermanen und Ostgermanen, den Kelten, Römer, Finnen und Slawen) и, разобравши нѣкоторыя выводы ея, подвергла ихъ критическому разбору. Докладчица не соглашается съ основнымъ положеніемъ нѣмецкаго ученаго, что т. н. „клиновая деревня“ (Gewandorf) есть исключительная принадлежность германскаго племени и что у славянъ она отсутствуетъ; факты, между прочимъ и акты XVII в., говорятъ противное; изъ нихъ, напр., видно, что наши сѣверно-русскія деревни состояли иногда изъ нѣсколькихъ дворовъ, владѣвшихъ землей въ патриархальномъ родственномъ союзѣ, дѣлившихъ ее по частямъ въ собственность и отчуждавшихъ ее,

но съ соблюденіемъ на долгое время числа первоначальныхъ паевъ; такая деревня, по мнѣнію докладчицы, есть то-же, что и Gewandorf. Коснувшись затѣмъ деревенской общины, главнымъ образомъ, по отношенію къ вопросу—что было исходнымъ пунктомъ поземельныхъ отношеній—частная собственность или община, и не рѣшая этого вопроса въ ту или другую сторону, докладчица высказала мысль, что вопросъ о первобытномъ и послѣдующемъ землевладѣніи долженъ быть изслѣдуемъ много-сторонне, на фактической почвѣ и строго научнымъ образомъ, и что разныя формы землевладѣнія не могутъ быть рѣзко противопоставляемы.

Докладъ А. Я. Ефименко, отличавшійся обычнымъ блестящимъ изложеніемъ, вызвалъ продолжительныя пренія, главнымъ образомъ, по второму изъ затронутыхъ вопросовъ.

Проф. А. Ѡ. Мѣржинскій, съ неуставающей энергіей работающій надъ изученіемъ первобытной культуры литовскаго племени, прочелъ на этотъ разъ рефератъ „О священномъ дубѣ въ Ромове“, гдѣ, помимо спеціальной темы, высказалъ и нѣсколько общихъ соображеній о почитаніи деревьевъ: съ деревомъ была соединена жизнь человѣка, въ дерево переходила душа усопшаго, въ немъ проживала душа предковъ и наконецъ въ немъ жило само божество; лѣчебную силу приписывали деревьямъ, стволъ или вѣтки которыхъ, разъединившись, снова срастались въ образованное такимъ путемъ отверстіе пролѣзали больные (напр. глазами, грыжей), будучи убѣждены, что болѣзнь переходила въ дерево.

Живой интересъ возбудилъ среди членовъ съѣзда докладъ В. И. Сизова—„Характерныя черты могильника въ Пассельнѣ въ Курляндіи.“ Вещи, найденныя въ этомъ могильникѣ, ставятъ его отдѣльно отъ могильниковъ латышей, ливовъ и эстовъ; это и дало основаніе референту высказать предположеніе о принадлежности его курамъ или *вендамъ*; существованіе послѣднихъ въ Балтійскомъ краѣ подтверждается съ другой стороны извѣстіями Генриха Латыша.

Не обошлось, конечно, на съѣздѣ и безъ вѣчнаго вопроса о Руси. Въ сообщеніи „О происхожденіи слова Русь“ К. И.

Якубовъ, изложивъ литературу вопроса и остановившись на мнѣніи, по которому слово Русь ставится въ связь съ финскимъ словомъ Ruotsi, а само финское слово производится отъ названія общины гребцовъ—*gods-män*, жившихъ въ области *Rodslagen*, указавъ на новое толкованіе этого слова, предложенное гельсингфорскимъ профессоромъ Ю. Крономъ, именно, что Ruotsi есть финскій переводъ имени Норманнъ.

По поводу этого реферата, разумѣется, возникли пренія; основная мысль ихъ заключалась въ томъ, что за объясненіемъ этого слова надо идти не на сѣверъ, а на югъ и юго-западъ, гдѣ на существованіе племени Русь указываютъ названія рѣкъ, урочищъ и т. п. Между прочимъ, Д. И. Иловайскій высказался въ томъ смыслѣ, что въ лѣтописи Нестора испорченъ текстъ, и мѣсто о призваніи Варяговъ нужно понимать такъ что Русь призвала Варяговъ.

Не можемъ, наконецъ, не упомянуть о рефератѣ акад. В. В. Сулова—*„Новгородскій Софійскій Соборъ“*, въ которомъ были изложены результаты реставраціи этого древняго храма, произведенной въ 1893—95 г. и поведшей къ очень важнымъ открытіямъ. Открыты фресковыя изображенія XI (свв. Константинъ и Елена) и XII вв. (ангелы и пророки въ главномъ барабанѣ храма и др.); ремонтъ собора далъ затѣмъ возможность въ деталяхъ изучить всю исторію храма, возстановить его первоначальный видъ, прослѣдить тѣ измѣненія, которымъ онъ подвергался въ послѣдующее время. Референтомъ была затрачена масса труда; уже одинъ бѣглый обзоръ художественно исполненныхъ копій съ открытыхъ фресковыхъ изображеній и многочисленныхъ рисунковъ и чертежей, которыми былъ наполненъ залъ засѣданія, могъ показать, сколько работы, интереса было вложено въ это дѣло, и потому намъ показались совершенно негармонировавшими съ тѣмъ впечатлѣніемъ, которое оставлялъ послѣ себя рефератъ, пренія, возникшія послѣ прочтенія его, прибавимъ—пренія, выходившія иногда за предѣлы необходимой сдержанности. Замѣчаній, касавшихся сущности реферата, было немного; весь же сыр-боръ загорѣлся по поводу заявленія проф. Соболевскаго, что при ремонтѣ храма

были уничтожены нѣкоторыя древнія надписи. Во время преній выяснено, что надписей было открыто около 200; онѣ выцарапаны въ штукатуркѣ, по содержанию особеннаго интереса не представляютъ, а интересны съ палеографической точки зрѣнія; относятся онѣ къ XII—XIV вв.; объ открытіи этомъ сейчасъ же было дано знать въ Имп. Археол. Коммиссію, были командированы специалисты (И. А. Шляпкинъ и проф. Соболевскій), и большинство надписей снято и описано; только часть ихъ осталась недоступной для изслѣдованія, потому-что надписи находились на стѣнахъ подъ теперешнимъ поломъ собора, и, наконецъ, самый незначительный процентъ пришлось задѣлать или совсѣмъ уничтожить, такъ какъ этого требовала ветхость нѣкоторыхъ частей зданія и неотложность ремонта, но со всѣхъ ихъ были сдѣланы снимки.

Результаты преній были перенесены въ совѣтъ съѣзда, гдѣ и было постановлено слѣдующее: „По поводу сообщенія академика Сулова о реставраціи храма св. Софіи Новгородской возникли пренія, изъ которыхъ выяснилось, что при реставраціи частію пострадали нѣкоторыя важныя памятники древностей, частію совсѣмъ уничтожены: X археологической съѣздъ выражаетъ по этому случаю свое глубокое сожалѣніе и проситъ Императорскую Археологическую Коммиссію принять мѣры предупрежденія подобныхъ нежелательныхъ случайностей.“ На нашъ взглядъ, если высказывать сожалѣнія, то ужъ не по этому поводу: какъ мы видѣли, акад. Суловъ отнесся къ своему дѣлу съ полнымъ признаніемъ важности изслѣдуемаго памятника, съ любовью занимался научнымъ изслѣдованіемъ его, поэтому для высказыванія сожалѣній можно было найти другой поводъ; къ прискорбію, такихъ поводовъ можно найти довольно много; въ томъ-же засѣданіи мы указывали, напр., на то печальное состояніе, въ какомъ находятся остатки „божницы“ XII в. въ селѣ Старогородеѣ возлѣ г. Остра черниговской губерніи: здѣсь дѣло идетъ не о десяткѣ нацарапанныхъ надписей, а гибнетъ цѣлый рядъ фресковыхъ изображеній, покрывающихъ сохранившуюся часть алтарной абсиды этой „божницы“, гибнетъ никѣмъ

научно не изслѣдованный, не сохраненный хотя бы въ точно снятыхъ копіяхъ...

Въ заключеніе два слова объ одномъ изъ техническихъ вопросовъ, имѣвшемъ мѣсто на сѣздѣ. Дѣло идетъ объ отчисткѣ и сохраненіи древнихъ металлическихъ предметовъ. Этому вопросу касались доклады д-ра Я. Аппельгрена, хранителя историческаго музея въ Гельсингфорсѣ, и В. Д. Бока, хранителя средневѣковаго отдѣла Имп. Эрмитажа. Ими былъ указанъ новый способъ консервированія древностей путемъ химической обработки ихъ при помощи электричества; способъ этотъ изобрѣтенъ норвежскимъ инженеромъ А. Крефтингомъ; а результаты получаются дѣйствительно замѣчательные — на предметахъ, покрытыхъ толстымъ слоемъ ржавчины, появлялись орнаменты, клейма, надписи и т. п. Но повидимому для обработки этимъ способомъ пригодны главнымъ образомъ предметы не особенно древніе, или сравнительно хорошо сохранившіеся, такъ какъ все, что подверглось окисленію, не годится для обработки. Во всякомъ случаѣ изобрѣтеніе это представляетъ большой интересъ и заслуживаетъ возможно широкаго распространенія. Было бы очень полезно, если бы на сѣздахъ почаще поднимались различные вопросы техническаго характера: о сохраненіи древностей, отчисткѣ, сортировкѣ, моделировкѣ ихъ и т. д.; на сѣзды собираются какъ хранители общественныхъ собраній, такъ и владѣльцы частныхъ коллекцій, и было бы интересно и поучительно услышать отъ нихъ о тѣхъ приемахъ и порядкахъ, которые практикуются при храненіи древностей.

Какъ мы упомянули уже въ началѣ, рижскій сѣздъ отличался, сравнительно съ прежними, довольно многочисленными выраженіями пожеланій и предложеній. Этому обстоятельству мы придаемъ особенное значеніе; оно указываетъ на жизненную силу сѣздовъ, служитъ яркимъ доказательствомъ того, что въ ученой средѣ сознано уже вліяніе сѣздовъ на общій ходъ развитія научныхъ изысканій. Эти пожеланія являются тѣмъ элементомъ, который говоритъ о поступательномъ движеніи науки, и нѣтъ нужды, если не всѣ изъ этихъ предложеній могутъ быть

сейчасъ удовлетворены: много значить уже одно то, что они высказаны.

На первомъ мѣстѣ мы ставимъ тѣ пожеланія, которыя были высказаны членами губернскихъ архивныхъ комиссій, собравшимися на сѣздѣ съ разныхъ концовъ Россіи. Ими были устроены при участіи и другихъ членовъ сѣзда, при археографическомъ отдѣлѣ, предсѣдателемъ котораго состоялъ проф. Д. И. Багалъй, два засѣданія, гдѣ обсуждались различные вопросы, имѣющіе отношеніе къ постановкѣ у насъ дѣла губернскихъ архивныхъ комиссій. Мало отраднаго пришлось услышать на этихъ засѣданіяхъ: тяжелое впечатлѣніе оставляли по себѣ эти скорбныя повѣсти, гдѣ описывалось людьми, близко стоящими къ дѣлу, то положеніе, въ какомъ находятся нѣкоторыя изъ комиссій. Этими собраніями было высказано нѣсколько пожеланій, и, основываясь на нихъ, сѣздъ постановилъ: „Въ виду печальнаго положенія многихъ губернскихъ ученыхъ архивныхъ комиссій, не имѣющихъ ни опредѣленнаго помѣщенія, ни опредѣленныхъ денежныхъ средствъ, обратить вниманіе министерства внутреннихъ дѣлъ на большую государственную пользу, приносимую комиссіями, и ходатайствовать, чтобы имъ оказываемая была помощь и субсидія при посредствѣ г.г. губернаторовъ. Ни одно изъ другихъ пожеланій не заслуживаетъ большаго сочувствія и вниманія, чѣмъ это. И чѣмъ скорѣе пожеланіе это перестанетъ быть только пожеланіемъ, тѣмъ лучше.

Довольно много рефератовъ на сѣздѣ явилось результатомъ научной дѣятельности *Русскаго Археологическаго Института въ Константинополь*. Дѣйствительно, за короткое время своего существованія имъ было сдѣлано много научныхъ открытій. Пространство, входящее въ сферу научныхъ изысканій Института, очень обширно: сюда включены области Турецкой имперіи, Греческаго королевства и Славянскихъ земель на Балканскомъ полуостровѣ. Институтъ существуетъ 2 года; за это время были совершены экскурсіи въ Анатолю, на Аѳонъ, въ Аѳины, Никою, Бруссу, Никомидію и въ Болгарію; было приобрѣтено древнѣйшее греческое евангеліе VI вѣка, изслѣдованы древніе монументы

тальные памятники скульптуры, мозаики, надписи, открыты новые литературные памятники и т. д. Рефераты и были посвящены различным вопросам, выдвинутым этой плодотворной, живой научной работой. Проф. Ф. И. Успенский, директор института и председатель ученого комитета съезда, сдѣлалъ общій очеркъ дѣятельности этого учрежденія въ рефератѣ „О Русскомъ Археологическомъ Институтѣ въ Константинополѣ“; имъ же было сообщено: „О вновь открытомъ пурпуровомъ кодексѣ евангелія“, „Археологическіе памятники города Никеи“ и „О Болгаріи въ археологическомъ отношеніи“; проф. Д. В. Айналовъ представилъ рефератъ „О древне-христианскомъ саркофагѣ, вновь найденномъ въ Константинополѣ“; проф. А. А. Павловскій докладывалъ „О фрагментахъ классической скульптуры, найденныхъ Русскимъ Археологическимъ Институтомъ въ Константинополѣ“ и заключилъ свой рефератъ пожеланіемъ, чтобы представители русской науки пошли на помощь Институту, изслѣдуя и обрабатывая найденные Институтомъ памятники; наконецъ, О. В. Вульфъ въ докладѣ „Древности Никомидіи“, изложилъ результаты экскурсіи въ этотъ городъ и подробно описалъ найденные тамъ памятники древности.

Если мы замѣтимъ при этомъ, что личный составъ Института не великъ (директоръ, секретарь и одинъ командированный), и что не велики также и средства, находящіеся въ его распоряженіи, то ниже приводимое ходатайство съезда является вполне умѣстнымъ и своевременнымъ. Вотъ это постановленіе совѣта съезда: „Въ виду важности и необходимости дальнѣйшей разработки русскими учеными древностей Балканскаго полуострова, прилежающихъ къ нему славянскихъ государствъ и мало-азіатскаго полуострова, X археологической съѣзъ ходатайствуетъ объ увеличеніи средствъ и ученаго персонала Русскаго Археологическаго Института въ Константинополѣ.

Другое постановленіе касалось болѣе частнаго вопроса, также въ зависимости отъ дѣятельности Института, именно: „Въ виду поднятаго французскимъ министерствомъ народнаго просвѣщенія вопроса о совмѣстномъ обслѣдованіи и изданіи ру-

кописныхъ сокровищъ Аѳона, X археологическій съѣздъ ходатайствуетъ о предоставленіи средствъ Русскому Археологическому Институту въ Константинополь на осуществленіе этого важнаго научнаго предпріятія.

Проф. И. П. Филевичъ въ рефератѣ „Нѣсколько замѣчаній по поводу разработки географической номенклатуры“ обратилъ вниманіе на значеніе географической номенклатуры, какъ главнаго показателя этнологическаго характера страны, указавъ на недостатки научной обработки этого матеріала и высказавъ пожеланіе, имѣя въ виду главнымъ образомъ территорію славянъ и русскихъ въ частности, чтобы дѣло собиранія данныхъ этого рода, данныхъ „языка земли“, было ведено по болѣе широкой программѣ; слѣдуетъ собрать матеріаль для полнаго номенклатурнаго словаря русскихъ земель, какъ въ предѣлахъ Россіи, такъ и за предѣлами ея; это дастъ возможность уяснить типичный характеръ номенклатуры въ мѣстахъ этнологически наиболѣе устойчивыхъ и возстановить его тамъ, гдѣ русская номенклатура, подъ чужимъ вліяніемъ, подверглась искаженіямъ.

Несомнѣнно, что собираніе и разработка „языка земли“ можетъ повести къ цѣннымъ научнымъ выводамъ, но, съ другой стороны, необходимо вести параллельно съ этимъ и историко-географическія изысканія,—въ этомъ духѣ и высказались нѣкоторые изъ оппонентовъ проф. Филевича.

Проф. А. С. Будиловичъ закончилъ свой обширный рефератъ „О задачахъ славянорусской археологіи по отношенію къ областямъ и народностямъ нынѣшней Венгріи“, предложеніемъ снарядить археологическую экспедицію въ Венгрію; съѣздъ, въ своемъ постановленіи, выразилъ сочувствіе къ этой мысли.

Въ нашемъ сообщеніи „Объ изслѣдованіи стоянокъ неолитической эпохи“, мы коснулись частнаго вопроса первобытной археологіи. Суть нашего предложенія сводилась къ организаціи, путемъ специальныхъ экскурсій, систематическаго изслѣдованія тѣхъ мѣстъ, гдѣ сохранились слѣды доисторическихъ поселеній (главнымъ образомъ по берегамъ рѣкъ на песчаныхъ буграхъ). Если такія изслѣдованія и не дадутъ ничего особенно новаго для уясненія культуры этого періода (хотя несомнѣнно нѣко-

торыя детали могут оказаться и новыми, а при поразительной однородности этой культуры на всемъ земномъ шарѣ и детали имѣютъ свое значеніе), то, во всякомъ случаѣ, систематическія изслѣдованія могутъ дать указанія на географическое распространеніе стоянокъ, могутъ собрать данныя объ ихъ количествѣ, и такая статистика является весьма важной: основываясь на ней, можно дѣлать выводы о количествѣ и густотѣ первобытнаго населенія.

Чтобы покончить съ предложеніями и постановленіями, приводимъ еще одно изъ этихъ послѣднихъ: „Просить Императорскую Археологическую Коммисію, чтобы вещи, добываемыя на казенныхъ земляхъ изъ могильниковъ извѣстной мѣстности, если онѣ не нужны главнымъ музеямъ Имперіи—Императорскому Эрмитажу и Императорскому Россійскому Историческому въ память Императора Александра III Музею,—предоставлялись музеямъ тѣхъ мѣстностей, въ которыхъ найдены эти вещи. Въ мѣстѣ съ тѣмъ просить коммисію въ сношеніяхъ ея съ мѣстною администраціей по вопросу о случайныхъ находкахъ, разъяснить этимъ властямъ, что, на основаніи существующихъ законовъ Имперіи, вещи, находимыя на земляхъ частныхъ владѣльцевъ, принадлежатъ симъ послѣднимъ и отчуждаемы быть не могутъ“.

Насколько намъ извѣстно, все вышеприведенное, вошло уже отчасти въ практику коммисіи. Но по этому поводу невольно возникаетъ мысль о насущной потребности правильной постановки и развитія у насъ дѣла областныхъ музеевъ.

Круглыя числа во всякаго рода дѣятельности обыкновенно даютъ поводъ оглянуться назадъ, посмотрѣть, что сдѣлано за протекшее время. Рижскій съѣздъ заключилъ собою первый десятокъ; по этому поводу неутомимый работникъ и энергичный организаторъ дѣла археологическихъ съѣздовъ—г. П. А. У в а р о в а, она-же и предсѣдатель съѣзда, въ прочувствованной рѣчи сдѣлала общій очеркъ дѣятельности предшествовавшихъ съѣздовъ. Безъ преувеличиванія можно сказать, что сдѣлано очень много. Не говоря уже о сотняхъ прочтенныхъ рефератовъ, на съѣздахъ поднималось не мало и общихъ вопросовъ, завязывались сношенія между учеными, происходилъ живой обмѣнъ мнѣній, научныя силы стягивались со всѣхъ сторонъ для общей

работы, возбуждалась энергія цѣлыхъ учреждений, иногда обязанныхъ своимъ возникновеніемъ инициативѣ или поддержкѣ съѣздовъ. Успѣхъ съѣздовъ въ извѣстной мѣрѣ зависѣлъ отъ направленія, даннаго ихъ инициаторомъ, покойнымъ гр. А. С. Уваровымъ, котораго держится и которое отстаиваетъ въ настоящее время, замѣнившая его гр. П. А. Уварова. Направленіе это заключается въ преслѣдованіи чисто научныхъ цѣлей, безъ всякой иной поделки, безъ всякихъ заднихъ мыслей. Пусть же и на будущее время это искреннее служеніе дѣлу науки останется лозунгомъ русскихъ археологическихъ съѣздовъ!

Мѣстомъ слѣдующаго археологическаго съѣзда избранъ Кіевъ, съ тѣмъ однако условіемъ, чтобы главное вниманіе было обращено на Волынь и вообще на западную часть юга Россіи, въ общемъ сравнительно очень мало еще изслѣдованную въ археологическомъ отношеніи. Тутъ мы снова наталкиваемся на круглое число: если кіевскій съѣздъ состоится черезъ три года—обычный промежутокъ между съѣздами,—то къ тому времени исполнится ровно 25 лѣтъ съ устройства перваго съѣзда въ Кіевѣ. Итакъ, нашему югу предстоитъ задача достойно приготовиться къ съѣзду, показать, насколько подвинулось дѣло за истекшіи довольно продолжительный срокъ, и здѣсь были-бы очень желательны работы обобщающаго характера, какихъ напр. было не мало на рижскомъ съѣздѣ по отношенію къ прибалтійскимъ древностямъ. Можно надѣяться, что къ тому времени будетъ законченъ и Кіевскій Историко-художественный Музей; это дастъ возможность устроить, какъ слѣдуетъ, и археологическую выставку, для обоюдной пользы какъ съѣхавшихся ученыхъ, такъ и самого музея. Будемъ надѣяться, что не будетъ забыта также и этнографія, занимавшая такое видное мѣсто на томъ-же рижскомъ съѣздѣ, и, по отношенію къ ней, было бы очень встать осуществленіе пожеланій, высказанныхъ, между прочимъ, по поводу 50-ти лѣтняго юбилея Императорскаго Русскаго Географическаго Общества,—о возстановленіи Юго-Западнаго Отдѣла его.

Н. Вѣляшевскій

